

Марш Турецкого

Фридрих Незнанский

Финиш для чемпионов

«Автор»

Незнанский Ф. Е.

Финиш для чемпионов / Ф. Е. Незнанский — «Автор»,
— (Марш Турецкого)

В праздничную новогоднюю ночь совершено два зверских убийства – олимпийского чемпиона и главы элитного спорткомплекса. Дела настолько «громкие», что к их расследованию привлечены самые высокопрофессиональные силы – старший помощник генерального прокурора Александр Турецкий и его оперативная группа. Они устанавливают, что в деле замешаны международные интересы. Одна из версий – распространение допинга среди наших спортсменов. Но кто же из российских чиновников хочет лишить страну олимпийской славы?

© Незнанский Ф. Е.

© Автор

Содержание

1	5
2	8
3	12
4	17
5	21
6	23
7	26
8	28
9	29
10	31
11	34
12	37
13	40
14	43
Конец ознакомительного фрагмента.	45

1

«Новый год к нам мчится, скоро все случится!» – оптимистически вопила в соседнем дворе подгулявшая компания, не забывая сопровождать восторженными взвизгами взрывы самодельного фейерверка. Песенка слегка запоздала, поскольку Новый год уже примчался: вот уже шесть часов, как под бой телевизионных курантов для населения Москвы он вступил в свои права. Близится рассвет первого января – а впереди целых триста шестьдесят пять дней... Что принесут они с собой? Кому-то головокружительный взлет, кому-то – падение, кому-то – размеренность серенького существования, в котором давно хотелось бы что-то изменить.

Подняв бокалы шампанского, все надеются на то, что год будет счастливым. Но ведь вероятность счастливой случайности так же велика, как и вероятность несчастной. И разве только одни подарки, перевязанные розовой ленточкой, припрятаны в мешке Деда Мороза? Потеря работы, депрессия, автокатастрофа, инфаркт, измена, случайная пуля – кому-нибудь эти сюрпризы непременно достанутся.

Может быть, праздничные песни и пляски, поздравления, подарки и елочные огни – все это люди придумали для того, чтобы поменьше мечтать о вероятном, а не о призрачном будущем? Чтобы за пестрой суматохой забыть, какое это на самом деле тревожное событие – Новый год...

Снег под ногами хрустел, озарялся разноцветной радугой петард. Павел Любимов с гостями, супругами Витей и Инной, выбрался во двор проветриться.

Аня с ними не пошла, зато поднесла к окну Димку. Через закрытое и заклеенное по зимнему времени окно Павел ничего не слышал, но видел, как она, прикасаясь пальцем к стеклу, наверняка объясняла сыну: «А смотри-ка, Димочка, кто это там у нас? Ой, смотри-смотри... Это же па-апа! Наш папа!»

– У-ти, какой заюшка, – умилилась Инна.

У самой Инны с беременностью пока ничего не выходило, но судя по тому, как она сюсюкалась со всеми встречаемыми младенцами, без ребенка они с мужем не останутся. В крайнем случае возьмут малыша из детдома. Усыновление в наше бдительное время обставлено множеством проблем, но Виктору Бочанину волноваться нечего: бывший чемпион мира по конькобежному спорту не имеет вредных привычек, а обеспечен так, что сумеет прокормить большую многодетную семью.

Тридцатитрехлетний Павел Любимов, бывший пловец, ныне тренер, собравший за свою спортивную карьеру урожай всех возможных кубков и медалей, смотрел снизу вверх на свое крошечное сокровище, в зачарованных глазенках которого отражались сполохи петард, и позволял себя захлестывать с головой непривычным, неведомым ранее чувствам. Павел привык быть молодым, самоуверенно думал, что старость – общий удел человечества – его не коснется. Даже переход на тренерскую работу – свидетельство того, что для личных спортивных побед его мышцы уже не так крепки и эластичны, как прежде, – не стронул его с этого убеждения.

И вот, полюбуйтесь, из зимнего окна выглядывает младенец, живое свидетельство того, что все в мире течет, все изменяется. Пройдет время – не заметишь, как оно пролетит, – и ты, Паша, красавчик спортсмен, станешь седым, сгорбленным, маленьким рядом со своим взрослым, солидным, широкоплечим сыном. Закон природы! Но, что бы ни твердили психоаналитики о конкуренции между отцами и сыновьями, Павел не испытывал никакой горечи, никакой ревности к Димке, который вроде бы должен занять его место в жизни. Пусть занимает! Пусть даже станет чемпионом... Хотя, зная об опасностях, подстерегающих спортсменов в наше время, Павел не желал своему дорогому пацану такой участи. Любимов как никто другой представлял, как легко по вине недобросовестных тренеров и дельцов, наживающихся на чужой беде, из здорового, полного энергии молодого человека превратиться в инвалида.

А может быть, к тому времени, когда подрастет Димка, ситуация в спорте изменится? Ведь он, Павел, приложил столько усилий, чтобы разоблачить негодяев, которые калечат беззащитных парней и девчонок. Ведь это все было не напрасно, а?

Павлу Любимову вдруг с невероятной отчетливостью представилась позолоченная солнцем и осенними листьями аллея. Длинная аллея, и они со взрослым сыном идут по ней вдвоем. Лицо Дмитрия Павловича виделось непривычным, но откуда-то уже знакомым: что-то в нем присутствовало от отца Павла, Диминого деда, и что-то Анечкино улавливалось... Себя Любимов видеть не мог, однако знал, что он в преклонных годах, но бодр, не жалуется на немощи, не потерял вкуса к физическим упражнениям и дружеским беседам. Сын рассказывает ему о каких-то веяниях современности, которые старый Павел никак не может понять и принять, он отвечает ему, опираясь на собственный опыт, они спорят, может быть, даже ссорятся слегка – но это не главное. А главное то, что вместе им хорошо. Они очень разные, но сын любит отца, а отец любит сына. Их сближает не только общая кровь: они – настоящие друзья.

И это называется старостью? А ведь это счастье!

Павел почувствовал, как к сердцу подступила теплая волна. И, приветствуя год, который несет в себе и новые радости отцовства, и новое наслаждение желанным Аниным телом, которое после родов стало еще более дорогим, и новые тренерские достижения, и что-то еще, неведомое, но замечательное, он, как мальчишка, во все горло завопил:

– С Новым годом!

Аня все еще стояла у окна. Она так же не могла его слышать, как он не слышал ее, но она все поняла и тоже закричала: «С Новым годом!» Ох, какой же это чудесный праздник – Новый год!

Павел не заметил, откуда вдруг вынырнули эти шесть человек. Трое – в темных пуховиках, другие трое одеты в короткие черные куртки. Насколько можно различить при свете, падающем из окон, и при вспышках фейерверков – кавказцы. Молодые, лет по двадцать пять. Угрюмые лица, заросшие щетиной щеки, черные вязаные шапочки надвинуты на глаза. Двое из них подошли к другу Виктору и Инне, а четверо уверенно направились к Павлу Любимову.

– Что вы... – робко пискнула Инна. – Что вам нужно?

Никто из кавказцев не снизошел до того, чтобы ответить женщине.

– Чего кричишь? – спросил Любимова один, у которого из-под вязаной шапочки выбивались неподстриженные вьющиеся волосы; судя по уважению, которое оказывали ему его товарищи, видимо, главный в группе.

– С Новым годом, – повторил Павел. – А что, нельзя?

– И тебя с Новым годом, – бесстрастно сказал кавказец и выхватил нож.

Отчаянный Иннин визг потонул в грохоте запускаемых неподалеку петард. Павел отчетливо почувствовал только первый удар – в левую половину груди, между ребрами, остальные слились для него в одну горящую неразличаемую боль. Несмотря на боль, он по-прежнему не мог поверить в серьезность происходящего: все казалось, что это дурацкая шутка подвыпивших гуляк. Павел больше не видел того, кто так беспричинно и как будто бы даже беззлобно напал на него. Он видел жену и сына, отделенных от него молчаливой толщей стекла – их расширенные от ужаса глаза вспыхнули, как искорки фейерверка, и погасли в предрассветном небе. Он видел, как Инна, бестолково прыгая по снегу вокруг него, превращалась в ворону, махала крыльями и каркала: «Помогите! Убили! Помогите! Человек умирает!» Вот поди ж ты, умная вроде птица, а кричит ерунду всякую. Разве можно умереть первого января? Ведь праздник...

Убийцы скрылись с места происшествия так же молниеносно, как и появились. Когда Инне потом придется описывать их лица, это создаст затруднения: ей покажется, что все шестеро были на одно лицо, словно их нарочно вывели в каком-то бандитском инкубаторе. Вот

только одна примета... до сих пор, едва вспомнишь, встает перед глазами. Вспышка фейерверка осветила левую руку главаря. На руке не хватало двух пальцев: большого и указательного.

2

«Балерина», – первым делом подумал Денис Грязнов.

Позднее, анализируя, он попытался установить, что заставило его подумать, будто новая клиентка танцует в балете. Может быть, породистая некрасивость ее лица казалась очень подходящей для сцены: преувеличенно крупные, с мокрым блеском белков, глаза, мумийно-впалые щеки, покатым блестящий лоб, изящно изогнутый и очень длинный нос. Если смотреть из десятого ряда партера – прямо тебе грезы поэта, вблизи – страшилище. А может быть, загвоздка заключалась в походке, которой она внесла свое костлявое тело в кабинет директора сыскного агентства «Глория». Эта женщина двигалась мощно и плавно, как самолет, оставляющий в синем небе кудрявую белую полосу... Или как теплоход, рассекающий морские волны...

Последние два сравнения посещали, должно быть, не только Денисову голову. Потому что и самолет и корабль – высшего класса, белоснежные – могут называться одинаково: «лайнер». А клиентка как раз и носила необычную фамилию Лайнер. Хотя и не балерина, не была она обделена ни аплодисментами, ни букетами, ни славой... Короче, позвольте представить: Алла Александровна Лайнер, тренер сборной России по художественной гимнастике.

– Счастлив видеть вас в наших скромных стенах, – изобразил полупоклон Денис. Не то чтобы он увлекался художественной гимнастикой (футбол или там хоккей – ну, еще куда ни шло), но способен был оценить место посетительницы как в отечественной, так и в международной табели о рангах. Место это, как ни крути, располагалось выше его собственного.

– И, можно сказать, не одну меня, – улыбнулась госпожа Лайнер, растянув до почти каннибальских размеров отнюдь не миниатюрный рот. Видимо, она не стеснялась ни одной детали своей внешности – да и вообще не привыкла смущаться. Едва войдя в кабинет, еще до того, как Денис успел предложить ей присесть, она уже разместила все сто восемьдесят с лишним сантиметров своей костлявости в кресле напротив него и принялась покачивать ногой. Что это – раскованность или нервозность?

– Извините, не совсем понял...

– Я имею в виду, – конкретизировала свою мысль Алла Александровна, – что через посредство моей скромной персоны в агентство «Глория» обращаются самые важные лица в российском спорте, а именно президент Олимпийского комитета России Василий Титов и председатель Федерального агентства по физической культуре, спорту и туризму Андрей Кра-син.

В длинных, безупречно гладких тирадах, которыми Лайнер осыпала Дениса, отражалась привычка давать интервью.

– И упомянутые люди, и лично я – все мы просим вас, Денис Андреевич, соблюдать в проведении предстоящей операции тайну, осторожность, секретность. Люди, пославшие меня в «Глорию», конечно, осведомлены об авторитете избранного агентства, но они... то есть мы, согласны заплатить значительный гонорар не только за работу, но и за конфиденциальность. Не дай бог, если деятельность частных сыщиков станет достоянием спортивной общественности!

В конце последней фразы у Аллы Александровны вырвался намек на подвывание, горловой эмоциональный взрыв, который заставил Дениса до некоторой степени расположиться к клиентке. То, что люди в кабинете директора частного охранного предприятия обычно волнуются, не было новостью для него. Вот если никаких волнений – воля ваша, что-то здесь подозрительное...

– Естественно, – отозвался Денис Андреевич, стараясь, чтобы его голос звучал надежно и солидно, – агентство «Глория» дает вам полную гарантию, что все останется между нами. Как и всем остальным клиентам. Через наши руки прошло множество конфиденциальных поруче-

ний. Если бы мы о них болтали – наше место было бы не здесь, а на кладбище. Может быть, теперь перейдем к сути дела?

Опытная госпожа Лайнер ликвидировала волнение с той же скоростью, с какой оно возникло. Теперь она снова вещала, словно вместо Дениса перед ней находился телерепортер:

– Если вы, Денис Андреевич, хотя бы изредка смотрите новости спорта, от вас наверняка не укрылась неприязнь, которую испытывают представители международных спортивных организаций, особенно американцы, по отношению к российским спортсменам. Это объяснимо – конкурентов не любят. Давно уже с карты мира исчез СССР, поднялся «железный занавес», идеологического противостояния нет – но нас не любят по-прежнему, за то, что, с точки зрения Америки, мы все еще слишком сильны. И особенно Россию пытаются прижать в тех областях, в которых наша сила традиционно сохраняется, а одна из этих областей – спорт. Спорт – вопрос международного престижа...

Денис терпеливо слушал, согласно кивая в такт этим правильным словам, ожидая, когда же Алла Александровна доберется до сути.

– В общем, Денис Александрович, если вы услышите, что Международный олимпийский комитет... э-э, сокращенно МОК, строит заговоры против России – знайте, это не выдумки националистов, так оно и есть. МОК не ловит американских спортсменов на допинге. И дело не в том, что в США четче, чем в нашей стране, налажен предварительный допинг-контроль и сомнительные кандидаты не допускаются в олимпийскую сборную. Дело в том, что под водительством американцев МОК пытается доказать, что практически все русские олимпийцы постоянно принимают запрещенные стимулирующие препараты. Причем не только на соревнованиях, но и ежедневно, на тренировках, в процессе подготовки к предстоящим олимпийским играм.

Денис беспокойно завертелся в своем кожаном кресле на высокой ножке, как бы собираясь вставить слово. Лайнер остановила его величественным жестом королевы из «Лебединого озера» и продолжила:

– Но цель эта – вторичная. Первичная цель – повлиять на престиж России на международных соревнованиях. Они принимают меры, чтобы Россия не выиграла конкурс на проведение Олимпиады в Москве! Денис Андреевич, вы что-нибудь слышали о лаборатории «Дельта»?

– Нет.

– В этом вы не одиноки. О ней никто ничего, в сущности, достоверно не знает. Известно лишь то, что МОК и Всемирное антидопинговое агентство создали тайную, законспирированную организацию под названием «Лаборатория “Дельта”». В эту группу, внедрившуюся в Россию, входят не только иностранцы, но, прежде всего, россияне. Их за большие деньги набирают из числа бывших известных спортсменов, в том числе и олимпийских чемпионов, имеющих контакты с МОК и Всемирным антидопинговым агентством. Надо полагать, это бывшие олимпийцы, которые обижены на нынешнее начальство национального олимпийского комитета и федеральное агентство по спорту...

– Вы можете назвать их имена?

– Н-нет, – Алла Лайнер замялась, – у нас есть всего лишь предположения. Тут, видите ли, работает чистая логика. Во-первых, они настолько хорошо информированы о том, в какой момент лучше подкараулить и взять пробы у спортсмена... как может быть информирован только другой спортсмен. Во-вторых, агенты русские – говорят без акцента, свободно ориентируются в реалиях нашей жизни. В-третьих, люди они, судя по описаниям, немолодые... Судите сами.

– За что они могут быть обижены на спортивное начальство?

– Ну, вы знаете пожилых людей! Повод для обиды всегда найдется. Прибавьте сюда еще и то, что этим, – кажется, Алла Александровна проглотила слово, которое должно было следовать дальше, – трудно смириться с потерей славы и огромных денег. Обычная ситуация, что и

говорить! Одни чемпионы уходят, другие приходят... Однако они никак не желают привыкать к своему нынешнему положению. Стараются насолить тем, кто сейчас на коне, всеми возможными способами. Но прикрываются благими целями, как же иначе! Все они за честные соревнования. Все они против нынешних порядков, точнее, беспорядков. Все они имеют желание вывести боссов от спорта на чистую воду. Главное, они решительно против того, чтобы спортивные принимали анаболики...

– Погодите, Алла Александровна! – Денис наконец успел вставить в монолог Лайнер вопрос, который с самого начала казался ему важным. – А как в действительности обстоит дело с приемом... ну, этих... допинговых средств? Лаборатория «Дельта», получается, против них, спортивные руководители-то что, неужели «за»?

Алла Лайнер, раненная в самое сердце этим кошмарным предположением, прижала к тощей груди руки, крупные, но красивые:

– Дорогой Денис Андреевич, в том-то весь парадокс! Они, руководители, не против, а за, за борьбу с запрещенными стимуляторами. Старики заблуждаются, ведя с ними борьбу не на жизнь, а на смерть. Руководители спорта даже подписали поправки к российскому Закону о спорте, которые официально запрещают отечественным атлетам применять допинг. Готовятся большие перемены! Россия, если хотите знать, уже включилась в процесс, конечной точкой которого должна стать резолюция ЮНЕСКО с рекомендацией всем цивилизованным странам ввести уголовную ответственность за употребление, сбыт и распространение запрещенных стимуляторов. Единственное, против чего выступают спортсмены, – это умышленная охота и ловля российских спортсменов на допингах с целью не дать России стать страной, где будет проведена Олимпиада в две тысячи двадцатом году! Они хотели бы прекратить враждебную деятельность этой пресловутой лаборатории «Дельта»!

– Так в чем же ее враждебность? – не отставал Денис. – Враждебность – по отношению к кому?

Алла Александровна метнула в него недовольный взгляд, из разряда тех, которыми она, наверное, по стенке размазывала своих подопечных, которые плохо выполнили простой, с ее точки зрения, гимнастический элемент. И наконец объяснила все, как есть, – логично, четко, последовательно:

– Участились случаи слежки за нашими спортсменами, которые готовятся к предстоящим зимним и летним олимпийским играм. Эти агенты, видите ли, выясняют, когда тот или иной спортсмен принимает то или иное лекарство... И почти молниеносно сообщают об этом в МОК, во Всемирное антидопинговое агентство или непосредственно в лабораторию «Дельта».

– Стоп, стоп, стоп! Что за лекарство? Запрещенное?

– Совсем не обязательно! То есть они докладывают, что запрещенное. Но спортсмены, как вы понимаете, тоже люди. Им случается простудиться, съесть в нарушение режима что-нибудь жирное, у них может заболеть голова... А изменения в моче и крови будут сходны с теми, которые возникают при применении допинга. Например, обычный аспирин вызывает понижение свертываемости крови...

– Допустим. Что же происходит дальше?

– Дальше? Спецлаборатория «Дельта», находящаяся где-то в России, а возможно, и за границей, незамедлительно посылает своих лаборантов-экспертов, и те, действуя официально и легально, берут пробы на содержание анаболиков у наших ведущих спортсменов. Тесты, как правило, дают отрицательный результат. Пробы происходят всюду: в спортзале, дома, даже в общественном туалете на вокзале, как это случилось с олимпийским чемпионом по плаванию Стасом Прохоровым.

– Что же здесь страшного? Ну, возьмут и возьмут. Неприятно, конечно, если в туалете подкарауливают, но если спортсмен от допинга чист, что ему сделается?

– Как это «что»? А стресс? А необоснованные подозрения? Все это оказывает существенное влияние на психику, которая особенно уязвима перед соревнованиями. Если даже представители лаборатории «Дельта» не найдут никакого допинга, они сделают все, чтобы российские спортсмены проиграли. Ради бога, господин Грязнов, остановите этот безобразный процесс!

– Сделаем, сделаем, – посулил директор «Глории».

Не все ему в этом деле представлялось кристально ясным, в нем выпирали подводные камни, но... клиент всегда прав. Клиент, который платит наличными, прав по определению. Денис тронул компьютерную мышь на своем столе; задремавший было компьютер послушно загудел, предоставляя доступ к стандартной форме договора. Отлично! Вот только... какую формулировку внести сюда? Денис поерзал в кресле, почесал в затылке шариковой ручкой и под пристальным взглядом Аллы Александровны Лайнер сотворил стандартный договор «на установление неизвестных злоумышленников, постоянно ведущих слежку за известными российскими спортсменами».

3

Этот до отчаянности летний, жаркий во всех смыслах, крайне насыщенный отрезок служебной деятельности начался для Александра Борисовича Турецкого с того, что его вызвал к себе Меркулов. «Костя Меркулов», – по привычке прибавил Саша, припоминая те времена, когда они были молоды. Однако сегодняшняя встреча как-то не располагала к основательным лирическим воспоминаниям. Константин Дмитриевич был строг и деловит, его аристократические седые, с металлическим блеском, виски вызвали почтение, переходящее в робость, словно виски какого-нибудь сенатора или самовластного князя крошечной европейской страны.

– Вот что, Саша, – едва поздоровавшись, углубился он сразу в суть дела, – меня беспокоит нераскрытое дело.

– Всего лишь одно? – неосмотрительно сболтнул Турецкий. – Вы, Константин Дмитрич, должны быть в курсе, что правоохранительная система у нас работает с предельным напряжением всех оперативно-следственных сил, но так и не добились стопроцентной раскрываемости...

– Эти отвлеченные фразы, Саша, будешь произносить перед журналистами, – нервным движением руки оборвал его Костя. Со словом «журналисты» у него, очевидно, были связаны какие-то недавние болезненные ассоциации. – Стопроцентная раскрываемость – это цель достойная, если без натяжек и подтасовок. Все граждане нашей страны имеют право, если их убивают, по крайней мере, знать имена своих убийц. То есть, я хотел сказать, что имена убийц незащищенных граждан должны быть известны широкой общественности, в том числе убитым и их родственникам... то есть что я такое несу? Наверное, погода влияет. Извини. – Не по начальственному хмыкнув и промокнув платком лоб, усеянный бисеринками пота, Меркулов наконец стал гораздо менее начальственным и гораздо более человеческим. – В общем, Саша, речь идет не о смерти бомжа в подворотне. Убита знаменитая в спортивных кругах дама, генеральный директор одного спорткомплекса. Зверски расстреляна из автоматов группой неизвестных лиц на глазах у мужа. Муж, работник столичного вуза, тоже был ранен, кроме того, как ты понимаешь, пострадала его психика...

– Давно убили? – Александр Борисович ощутил себя на твердой профессиональной почве.

– Первого января сего года, – канцелярски сообщил Константин Меркулов.

Турецкий присвистнул:

– Быстро спохватились, нечего сказать! Небось уже и след простыл...

– Нельзя сказать, что с этим делом никто не работал: им занимался Сергей Валерьянович Плотников, которого по службе рекомендуют как исполнительного и трудолюбивого сотрудника. Однако результатов – никаких. Между тем у Чайкиной – разве я еще не назвал тебе фамилию убитой? – так вот, у Натальи Чайкиной остались влиятельные знакомые, которые постоянно посылают запросы в правоохранительные органы, желая, чтобы убийцы понесли заслуженное наказание. Также эти знакомые инспирируют прессу, пресса готовит публикации о криминальном беспределе в стране... словом, тебе не надо объяснять, чем подобные дела у нас заканчиваются. Дестабилизация общественного мнения в условиях непрерывного... Саша! Саша?

Турецкий мечтательно воззрелся за окно, туда, где над зелеными кронами вязло в июльском зное оцепенелое небо. Выцветшее и запыленное, словно бесхозные ангелы развесили его просушиться на веревочке, да так и забыли снять, и оно зависло между невидимыми прищепками, как никому не нужная тряпка. Когда в окне такое небо, трудно поверить в январь, трудно поверить в убийство женщины – гендиректора спортивного комплекса. Пивка

бы сейчас холодненького, да посидеть где-нибудь под тентом в тени. Эх, житуха наша служебная, опять двадцать пять: как лето, так в отпуск не уйдешь, пока с делом не разберешься... Неужели этот Плотников, с января разыскивающий убийц, так трудолюбив и исполнительен, как прикидывается? Надо бы его погладить против шерсти...

– А? Да. Теперь ты меня извини, Костя, что-то я задумался. Видно, и на меня тоже погода влияет... За дело Чайкиной возьмусь со всей ответственностью. Перспективы, думаю, не такие уж плохие: полгода всего прошло, не то чтобы, к примеру, десять лет! Давай быстренько с тобой набросаем план следственных мероприятий. Я не ослышался, у Чайкиной был муж? То есть теперь, значит, вдовец? Надо его расспросить в первую очередь. Может быть, он-то и есть заказчик убийства.

– Ну, это маловероятно. Знакомые утверждают, что Чайкины жили душа в душу.

– Чужая душа – потемки, Костя, – бросил в ответ Турецкий другое расхожее выражение. – Мы – профессионалы, а значит, не сентиментальны. Нам ли с тобой не знать, что, по статистике, родные и близкие убивают не реже, а то и чаще, чем посторонние. Когда двое на протяжении долгих лет не разлучаются, между ними столько всего накапливается – ни в страшной сказке сказать, ни пером описать.

«А моя Ирина Генриховна? – выплыла из донных слоев подсознания безумная мысль. – Могла бы она меня заказать киллеру или прикокнуть собственноручно? Заказать – пожалуй, нет: характер у нее уж очень открытый и прямой. А вот прикокнуть – запросто, за милую душу, если попадутся под руку одновременно тяжелый предмет и провинившийся муж. Ну, то есть... это в прошлом, когда я гулял от нее налево и направо, волочился за каждой юбкой, которая обтягивала более или менее симпатичную попку. Сейчас не понимаю, на черта мне это было нужно, когда у Ирки своя попка – хоть фотографируй на выставку? Теперь, когда мы мирно стареем вместе, конфликтов давно не возникает, а уж таких, чтобы мне – ее или ей – меня захотелось убить, и в помине нет... Единственное, чем радуется проклятое старение».

– Чайкины были немолодые?

– По-моему, да. Кажется, убитой где-то около пятидесяти, муж старше лет на десять.

– Хорошо... То есть не то чтобы хорошо, но лучше, чем я думал. Мужа, однако, тщательно расспрошу. С кем еще беседуем – с сослуживцами? Запишем: подробно опросить сослуживцев. Никогда не случалось рассматривать изнанку взаимоотношений в спорткомплексе, однако печенкой чувствую, что у них там тот еще гадюшник.

– И большие деньги, Саша. Держи это в уме. Возможно, тебе даже придется призвать экономиста или бухгалтера для основательной консультации.

– Надо будет, призову... Думаешь, левая прибыль?

– Все может быть. Не исключено, что Чайкина находилась в контакте с криминалом, а может быть, наоборот, пыталась воспрепятствовать его проникновению во вверенный ей спорткомплекс. Убивают и за меньшее. Тем более Чайкину вспоминают как женщину резкую, с мужским характером...

– Характер возьмем на заметку. Ну и со следователем Сергеем Плотниковым у меня аж руки чешутся побеседовать. Просто знаешь, Костя, вызывает заурядный человеческий интерес: каким фантастическим образом можно мурыжить дело полгода и так ни до чего и не докопаться?

Константин Дмитриевич Меркулов слегка развел руками, как бы сигнализируя, что вопрос этот риторический.

– Кого тебе выделить в помощники? – спросил он у Турецкого.

– Елагина. То есть... Да, пожалуй, Рюрика Елагина. Мы с ним отлично сработались.

– Замечательно, Саша. Действуй. Я очень рассчитываю на тебя.

Это напутствие ничего по-настоящему не означало, но придало Турецкому бодрости. Так же, как и продумывание следственных мероприятий – привычный ритуал, возвращающий

в рабочий тонус размягченные летней температурой за тридцать градусов мозги. Мышление прояснилось, и пива будто бы не так уж хочется...

«А в отпуск отпрошусь у Кости в сентябре, – утешил себя Александр Борисович. – Ну, даже если в октябре, ничего страшного. Золотая осень... и не жарко... Благодать!»

Анна Владиславовна Любимова, совсем недавно – обожаемая жена, а теперь – вдова Павла Любимова, за последние полгода резко невзлюбила звонки. Телефонные, звонки в дверь, звонки будильника – какие угодно. В течение тех черных суток первого января, которые вместили и тело мужа в пятне стремительно темнеющего вокруг него снега, и непонимание, и надежду на то, что муж тяжело ранен, но жив, и подступающую истерику, которую не удалось сдержать, – так вот, первого января 2005 года любимовская квартира была похожа на проходной двор. Люди без конца приходили, уходили, расспрашивали, пытались успокоить. И звонили, звонили... Даже теперь, услышав звонок, Аня вздрагивает; сердце в ней обмирает. Будто самое страшное, что могло произойти, еще не произошло, будто звонок сам по себе несет новое, неслыханное несчастье.

Но этот звонок ее не испугал: Аня ждала его. Вот уже целый час она то смотрела на часы, то подбегала к двери, от которой бросалась снова к Димочке. Боялась оставлять его одного: и раньше-то, пока жив был Паша, тряслась над сыночком, а теперь, когда единственное, что осталось у нее от Паши – Димочка, Аня превратилась в совершенно сумасшедшую мамашу-клушу. Понимала, что нельзя так, что она рискует избаловать мальчика до безобразия, однако поделаться с собой ничего не могла. Но ребенок, от природы флегматичный, спокойно спал в своей деревянной кроватке с высокими стенками. Не разбудил его и долгожданный звонок – когда он действительно прозвучал... Аня вмиг очутилась у двери.

– Почему не спрашиваешь «кто там»? – укорил ее Виктор Бочанин, шумно вваливаясь в квартиру. Обычно его обтекаемое тело двигалось плавно и беззвучно, но сегодня он будто нарочно нагнетал вокруг себя шум: жестикулировал, топал ногами, якобы отрясая о резиновый коврик какие-то соринки с подошв, говорил громко, с преувеличенной бодростью.

– Я же знаю, Витя, что это ты...

– Нет, Аня, не знаешь. В глазок посмотрела? Ну вот! В следующий раз или смотри, или спрашивай. Поняла? Мало ли что!

«Мало ли что» грозным облаком тяготело над вдовой Павла Любимова с первого января. Уйти вслед за мужем ей, может, даже хотелось бы, но слишком страшно было бы оставить Димочку круглым сиротой. Мирно текли друг за другом месяцы, никто не думал покушаться на Анину жизнь, и Аня отбросила бдительность. Судя по всему, убийцам нужен был именно Павел Любимов, а не его друзья или члены его семьи. А может быть, в конце концов, следователь прокуратуры Горохов прав, и ранним утром нового года имело место всего лишь случайное убийство на почве межнациональной розни?

Во что Аня Любимова и супруги Бочанины категорически не верили.

Виктора и Инну Бочаниных двадцатисемилетний следователь Горохов из прокуратуры Северо-Западного округа, производящий расследование дела об убийстве Любимова, допрашивал два раза, порознь и вместе, но у них сложилось впечатление, что по-настоящему он их так и не выслушал. Делал вид, будто слушает, но слышать не желал. Виктор Бочанин язык стер, без конца твердя Горохову: «Такое ощущение, что им нужна была одна жизнь, жизнь именно Павла Любимова. Такое ощущение, что их кто-то послал, чтобы убить не меня, к примеру, не Инну, а только Павла Любимова!» Но следователю не были нужны ощущения свидетелей. Юрист второго класса Горохов выбрал одну версию из целого ряда других и держался за нее зубами и когтями: «Черные убили славянина. Значит, мы имеем дело с убийством на почве межнациональной розни и ненависти!» Так мотив убийства прозвучал во всех милицейских и прокурорских сводках и статистических отчетах за эту новогоднюю ночь.

– Обряд инициации, – мудро втолковывал Горохов Виктору Бочанину. – Говорите, парни были молодые? Вот-вот. У них же там, на Кавказе, как? Ты не мужчина, пока кого-нибудь не убьешь. Убить своего – значит, нарваться на кровную месть. Убить русского? Для кавказцев это запросто.

– Но убитый не был простым человеком, – пытался Бочанин переориентировать Горохова на другие позиции. – Олимпийский чемпион, тренер, председатель «Клуба по борьбе с запрещенными стимуляторами»...

– Да, вы правы, дело необычное. Подумать только, случайно убит олимпийский чемпион!

Создавалось впечатление, что свидетели Горохову мешают: ходят зачем-то, говорят свое, портят нарисованную им схему. Даже показание Инны о том, что у главаря убийц не хватало двух пальцев на левой руке, не вызвало у следователя ни малейших эмоций. Аня Любимова и супруги Бочанины испытывали уже тихую ненависть к этому непрошибаемому бюрократу, который то ли был от природы глуп, то ли кого-то покрывал. Ненависть к его тонконогой и толстобрюхой, несмотря на молодость, фигуре, самоуверенному, вечно звучащему на повышенных тонах голосу, размеренным движениям постоянно лоснящихся, точно он недавно ел что-то маслянистое, пальцев... И надо же было случиться, чтобы Горохова тоже звали Дмитрием, как любимовского сына! Самое близкое для Ани имя. И – самое отталкивающее. Нет, с Гороховым каши не сваришь! Надо действовать собственными силами...

– Ну как, Витя, – Аня изводилась от нетерпения, – что тебе посоветовали?

Бочанин, после приступа шумливости при входе, стал тих и безмолвен. Присев на стул, начал расшнуровывать ботинки: в квартиру, где есть младенец, вход в уличной обуви воспрещен. Вдова не торопила, хотя все ее тело напряглось в ожидании первого слова.

– Значит, так, Аня, – не выдержав, заговорил Бочанин с ботинком в руке, – похоже, ты была права. Без крупных денег тут ничего не сделаешь.

Аня сглотнула застрявшее в горле ожидание. Ей стало легче. Даже непривлекательная определенность лучше полного тумана.

– Это ничего, это ничего, – торопливо сказала Аня, – деньги у нас есть... Пока есть... А потом я выйду на работу...

– Да ты-то уж молчи! – с грубоватой дружеской ласковостью прервал ее Виктор. – Тебе деньги на Димку нужны. А на работу выходить даже не думай: ребенок сейчас твоя главная работа. Не беспокойся, скинемся! Кликну клич в нашей спортсменской среде: «Требуются деньги, чтобы отыскать убийц Пашки Любимова!» – знаешь, сколько народу от себя последнее оторвет?

– Но как же! – Анна нахмурилась. – Я обязательно должна дать деньги, обязательно! Витя, даже не думай, мне будет стыдно! Паша ведь был мой муж...

– Ладно, ладно, Аня. Я это только в том плане, чтобы ты не волновалась о материальной части. До твоих денег тоже дело дойдет. Адвокат – удовольствие недешевое.

– Как – адвокат? Мы ведь нацеливались на частного сыщика...

– Адвокат, Аня, лучше. Он будет представлять твои интересы в суде. И потом, частного сыщика не пустят в те кабинеты, куда известный адвокат двери ногой открывает.

– У тебя уже есть кто-то на примете?

– Да, мне рекомендовали... Где-то тут была записка, неужели посеял? – Бочанин захопал себя по карманам пиджака. – Ах да, вот же она! – Развернув сложенный вчетверо клетчатый блокнотный листок, он отчетливо, чуть ли не по слогам, прочел: – Юрий Петрович Гордеев, десятая юридическая консультация Московской палаты адвокатов. На Таганке, – прибавил он от себя. – Слышал я не от одного уже человека, что Гордеев – такой адвокат, который стоит десяти частных сыщиков.

– Проверим, – сказала вдова Павла Любимова.

Не завершив процесс переобувания (одна нога в тапочке, на другой – полурасшнурованный ботинок), Виктор Бочанин смотрел снизу вверх на нее – высокую, красивую даже в домашнем халате, обычно уступчивую и застенчивую, но за последнее время налившуюся какой-то уверенной решимостью. Увеличенная кормлением грудь зрительно подчеркивала эту решимость. Павел многократно пересказывал другу историю знакомства с будущей женой: тогда он находился в зените славы и, как последний идиот, решил, будто только благодаря чемпионскому титулу ему удалось добиться внимания прекрасной брюнетки, отшивавшей в приморской гостинице всех, кто пытался ухаживать за ней. А на второй день выяснилось, что она не подозревала о его спортивной славе. И вообще, даже телевизор выключает, когда там начинаются спортивные новости. Паша понравился ей именно как Паша – без наград, без регалий, сам по себе. Его это привело в восторг. Его все в ней восторгало – даже то, что она была чуть полновата и, совсем не по-спортивному, медлительна и рассеянна. В доверительных мужских беседах Павел откровенно признавался Виктору, что женщины, как и кошки, ему нравятся мягкие и пушистые. Пусть другие хвастаются ультрамодными «сфинксами», лысыми, тощими и злобными на вид, – он предпочитает надежную добрую сибирскую породу. Аня как раз родом из Иркутска... А еще Паша звал Аню «своей персиянкой» – но это уже не из-за сходства с персидской кошкой, а из-за густейших, точно у иранской пери, черных волос и косо поставленных, удлинненных к вискам темно-карих глаз.

Паша так до конца и не узнал свою жену. Не увидел, как в этой красавице с восточными глазами пробуждается восточная жажда мести. Не почувствовал, как пушистая кошечка прекращает мурлыкать и выпускает острые коготки. Да и откуда было это узнать ему? Если бы не убийство мужа, не за кого было бы ей мстить, незачем превращаться из домашней кошки в дикую рысь. Но если уж произошло то, что произошло, Аня пойдет на все, чтобы найти убийц, – Виктор мог не сомневаться.

– Проверим, Аня. Конечно, проверим. Если Гордеев нас не устроит, найдем другого адвоката, еще лучше. Хотя это вряд ли... Гордеев, говорят, редкий человек... А теперь пойдем, покажешь Димку. Вырос небось? Давно я что-то вас не навещал...

4

Следователь Тверской межрайонной прокуратуры, юрист первого класса Сергей Валерьянович Плотников находился в стрессовом состоянии. Само по себе упомянутое состояние не могло считаться новостью: Плотников пребывал в нем постоянно. Необычна была лишь причина, ввергнувшая его в стресс.

Посудите сами: как правило, основным фактором, раздиргивавшим плотниковские нервы, была семейная жизнь. Кто-то возле семейного очага расслабляется и отдыхает душой – у Сергея Валерьяновича дела обстояли прямо противоположным образом. Его угораздило жениться поздно, в тридцать шесть лет... Поддался, как дурак, на увещевания родителей, испугался одинокой старости! И невеста была ему не противна: субтильная такая, хрупкая, уязвимая. Варя, Варенька: имя теплое, словно варенье. Мечтала родить ему детей... Ну что тут скажешь? Мечты сбываются! Хрупкое создание за десять лет совместной жизни отправлялось в роддом пять раз. Во время, свободное от родов, Варвара тоже не скучала, заполняя досуг авитаминозами, общей слабостью, визитами к подругам и мамочке (дежурным блюдом этих визитов выступали жалобы на нечуткость и грубость мужа), поездками в подмосковный санаторий, пред- и послеродовыми депрессиями. Что касается Плотникова, то уже после первого ребенка он, испуганный слабым здоровьем жены, заявил: «Хватит!» – и началась волынка предохранительных средств... которые доказали свою полнейшую несостоятельность. Трудно установить, то ли средства попадались ненадежные, то ли применялись неправильно, то ли организм Варвары, вопреки декларируемой слабости, обладал невероятным, обходящим все ухищрения медицины талантом материнства. Не помогали даже презервативы, которые Плотников после рождения третьего захребетника перестал покупать. Конечно, существует еще такой малоизвестный метод регуляции численности населения, как аборт, но Варя была категорически против абортов, так как они, по ее мнению, приводят к раку. Плотников в пункте абортов солидаризировался с женой – не из-за опасности рака и не по религиозным соображениям (он не позволил бы никаким богам вмешиваться в свою личную жизнь), а потому, что считал за величайшее свинство убить человека, который приложил столько усилий, прорываясь через предохранительные кордоны на белый свет. В конце концов, ведь это были его дети! В своем отцовстве он не имел оснований сомневаться: все пятеро, особенно дочери, были вылитые Сергей Валерьяновичи. И все обожали папулю, который играл с ними, читал им книжки, помогал учить уроки и никогда не бил. В отличие от Варвары, которая под горячую руку, случалось, и мужу закатывала пощечины. Порой Плотников погружался в запретную мечту: что, если бы Варвара исчезла? Нет, не умерла, он не настолько жесток; просто взяла и исчезла бы из его жизни. Ушла бы, что ли, к другому мужчине: ведь она, несмотря на все беременности и истерики, неплохо сохранилась и постоянно жалуется на то, что совершила страшную ошибку, выйдя за хама-следователя. Одному, с детьми, ему в чем-то стало бы легче: Мариночка, старшая, отлично справляется по хозяйству...

Так нет, не уйдет ведь Варя! Еще, того гляди, шестого родит! Роддомовская врачиха в последний раз клялась и божилась, что перевязала трубы, а это дает стопроцентную гарантию – так ведь знаем мы их, этих врачей и эти трубы. Если Варварин организм решит, что шестой отпрыск в семье Плотниковых необходим, никакие препятствия с трубами его не остановят.

Поглощенный непрекращающимися домашними трудностями, на работе следователь Плотников функционировал. Элементарно функционировал, выполняя служебные инструкции от «А» до «Я», не лез на рожон, не хватал звезд с неба – словом, был исполнителен и безынициативен. Время от времени он с горечью напоминал себе, что раньше трудился по-другому, что ему было интересно то, чем он занимается; а в молодости, полный энтузиазма, он и подумать не мог, что когда-нибудь превратится в эдакого человека в футляре, хладнокровную

рыбу с тусклыми глазами... Но раньше – это раньше. Теперь Сергей Валерьянович разучился сосредотачиваться: пытаешься погрузиться с головой в материалы дела, а в голове комарино звенят вчерашние упреки жены; пытаешься вечером после ужина набросать предварительный план завтрашнего допроса, а на тебя насаждают маленькие Плотниковы, которые целый день дожидались порции родительского внимания. Единственное, чем он утешал себя, – нареканий на него не поступало, а значит, обязанности свои он выполняет сносно.

Так было до сих пор. Но, видно, нельзя вечно играть в поддавки с самим собой, и за все наступает расплата. В данный момент расплата стояла перед ним в облике старшего помощника Генерального прокурора Российской Федерации Александра Борисовича Турецкого. Турецкий сыпал слова суровым голосом, но при этом смущенно морщился и, в целом, был совсем не рад, что приходится отчитывать работника прокуратуры, о котором раньше ему ничего плохого не докладывали.

– Послушайте, Сергей Валерьянович, – будто сквозь толщу воды, доходил до Плотникова смысл слов, – понимаю, что вам приходится работать и... жить в сложной обстановке...

«Сослуживцы рассказали про семью, – отметил Плотников, – значит, сочувствуют. Переживают. А что толку?»

– ...Но это не дает вам права пренебрегать служебными обязанностями. Во что вы превратили дело Чайкиной?

– Кого? – переспросил Плотников уныло, как неуспевающий ученик, тянущий время в ожидании спасительной подсказки.

– Натальи Чайкиной, гендиректора спортивного клуба «Авангард».

– Ах да, ну да, конечно... Это скорее дело Вахтанга Логия...

– Это вы в этом уверены, Сергей Валерьянович. Причем настолько уверены, что никакие другие версии просто не рассматривали. Что ж, давайте разбираться вместе.

Ресторан «Олимпийские чемпионы» в центре Москвы не пустовал даже по будням, несмотря на то что элитное обслуживание и прекрасный ассортимент блюд здесь подавались в комплекте с довольно-таки кусачими ценами. Многие москвичи – и бывшие спортсмены, и персонажи околоспортивной тусовки, и люди, отношения к спорту не имеющие, но прельщенные обстановкой в стиле ретро, которая отсылала к Олимпиаде-1980, – были не прочь истратить в этом ресторане немалую сумму ради того, чтобы пустить пыль в глаза или попросту создать праздничное настроение себе и своим любимым. Однако первого января 2005 года народу здесь оказалось негусто: большинство потенциальных посетителей отсыпалось после бессонной ночи. Легко догадаться, что подавляющее большинство клиентуры в тот день составляли пары. Новый год – семейный праздник.

Гендиректор спортивного комплекса «Авангард» Наталья Робертовна Чайкина тоже пришла в отдельный кабинет ресторана под руку с мужем, сотрудником одного из столичных технических вузов. Изучивший клиентку метрдотель приказал официанту накрыть стол на четыре персоны, и не ошибся: хоть на работу, хоть в деловые поездки, хоть в ресторан, хоть в косметический салон, хоть на выставку авангардного искусства – повсюду Чайкину сопровождали телохранители. Не афишируя себя, они держались как обычные знакомые величественной дамы, а потому ели и пили с ней за одним столом. Правда, блюда им, конечно, подавались отнюдь не самые изысканные. И от алкоголя они воздерживались – работа, ничего не попишешь!

Матово вбирали свет лампы припудренные плечи Натальи Робертовны, полностью открытые темно-синим вечерним платьем. Несмотря на свои сорок восемь лет, Чайкина, благодаря занятиям на тренажерах во вверенном ей «Авангарде», могла показать обнаженный верх своего тела без стеснения. Константин Германович сгорбленно согнулся над тарелкой, то и дело поправляя очки, и выглядел стариком рядом с эффектной женой. Двое телохранителей

– одинаково смуглые, оба с черными подковообразными усами, почти братья на вид – несли вахту, мало обращая внимание на супругов. Бутылка шампанского на столе была наполовину пуста. По крайней мере, именно такой расстановка фигур запомнилась официанту Григорию Бычихину, когда он принес заказанный Чайкиной фирменный салат из капусты, помидоров, стручков красного перца, ломтиков бекона и мелко нарубленных яиц под названием «Завтрак для чемпионов».

Когда Григорий Бычихин покинул кабинет, где отмечала Новый год Наталья Чайкина, мимо него туда проследовали шесть личностей, показавшихся ему родственниками телохранителей: смуглые, черноволосые, кавказского типа. Все шестеро – в зимней верхней одежде (кажется, черных коротких куртках) и вязаных шапочках. Верхняя одежда странно оттопыривалась. Бычихин еще удивился: как это их пропустили, не заставили сдать куртки в гардероб? В следующую минуту он уже ничему не удивлялся – а просто замер на месте от ужаса, потому что началась стрельба. Судя по грохоту, он понял, что телохранители Чайкиной так просто не сдались, начали отстреливаться. Но незваных гостей все равно оказалось больше...

Закончив свое кровавое дело, они проследовали мимо Бычихина в обратном направлении – правда, гораздо быстрее. Убийцы уже не прятали автоматы под куртками, а угрожающе направляли их дула туда, откуда ожидали опасности. Поддерживавшая автомат левая рука одного из кавказцев выглядела необычно: на ней не хватало двух пальцев, большого и указательного. Такие мелочи отчетливо подмечаются в минуты наивысшего напряжения и страха. Григорий Бычихин отрешенно подумал, что вот и все, пробил его смертный час; эхма, а еще считается, будто официант – мирная профессия... Но судьба свидетеля оказалась убийцам безразлична. Зато когда они увидели, что к ним бегут представители охраны ресторана, выпустили предупредительную очередь по стеклам. Кое-кого из посетителей, сидевших вблизи окна, задело осколками, но ни один серьезно не пострадал. А кавказцы в черных шапочках и куртках, обеспечив себе путь к отступлению, по выходе из ресторана вскочили в машину, которая рванулась по тихой улочке в направлении Тверской... В то время как в ресторане отчаянно вспыхнули телефонные звонки. Звонили в «скорую» и в милицию, по служебным телефонам и по мобильным.

Согласно рецепту, салат «Завтрак для чемпионов» заправляют майонезом, а не кетчупом. Однако тот, кто увидел бы тарелки с нетронутым блюдом, оставшиеся на месте побоища, имел бы право в этом усомниться... Впрочем, «кетчуп» в кабинете был повсюду: скапливался лужами на полу, пропитывал скатерть, густыми струйками стекал со стен, даже потолок оказался забрызган красными каплями. Казалось бы, здесь вряд ли найдется работа для врачей – разве что для судебных патологоанатомов. Тем не менее, когда на место происшествия прибыла бригада «скорой помощи», Константин Чайкин слабо дышал и даже пытался стонать. Его срочно доставили в институт Склифосовского. А отдельный кабинет ресторана «Олимпийские чемпионы» оккупировала милиция. С места происшествия дежурный следователь Мосгорпрокуратуры Савва Терентьев, эксперт-криминалист Гафуров и опера МУРа Короткий и Королев изъяли два автомата «Агран-2000», из которых пытались отстреливаться погибшие охранники, пистолет ПИ-545 и около двух десятков стреляных гильз.

В ту же ночь были установлены имена погибших. Что касается гендиректора «Авангарда» Натальи Робертовны Чайкиной, постоянной клиентки ресторана, здесь не пришлось особенно трудиться. А зная имя убитой, выяснить вопрос относительно ее телохранителей оказалось легко. Василий Куркин (и среди русских рождаются брюнеты) и Вахтанг Логия были сотрудниками частного охранного предприятия «Пихта-5».

Что же послужило основанием для столь жестокой расправы? Задержать убийц по горячим следам не удалось. По факту убийства трех человек прокуратура Центрального административного округа Москвы возбудила уголовное дело, которое передала в Тверскую межрайонную прокуратуру. Следствие, которое возглавил Сергей Валерьевич Плотников, начало

с версии, что неизвестные намечали главным объектом убийства Наталью Чайкину. Однако насколько это вытекало из репутации спорткомплекса, свои дела гендиректор «Авангарда» вела безупречно чисто, с криминалом не соприкасалась. Определенные надежды на то, что убийство могло быть совершено по личным мотивам, Плотников возлагал на допрос мужа Чайкиной, которому специалисты НИИ Скорой помощи имени Склифосовского помогли выжить. Но от Константина Германовича ничего внятного добиться не удалось. Тяжелое ранение подорвало его и прежде не богатырское здоровье, а смерть жены, очевидно, подкосила и психику.

Обросший неаккуратной седой волосней, чересчур длинной для щетины, но слишком жидкой для бороды, Константин Германович, облаченный в жеваную пятнистую больничную рубашку, раскачивался взад-вперед, сидя на койке. Очки его (конечно, не те, что были на нем в тот роковой вечер, – те превратились в осколки) слепо блестели. На все вопросы он монотонно отвечал: «Вот этого-то я как раз и не помню», – раз за разом, пока не принимался беззвучно, содрогаясь всем телом, рыдать. Дело на глазах превращалось в глухой всяк.

Чтобы принять хоть какие-то меры, юрист первого класса Сергей Валерьянович Плотников выдвинул рабочую версию, согласно которой причиной перестрелки в ресторане явился конфликт между представителями криминальных структур. Тем более что один из убитых, Вахтанг Логия, уроженец Сухуми, имевший кличку Абхаз, входил в группировку своего брата Гурама Логия, контролировавшего игорный бизнес Москвы. Все остроумие версии заключалось в том, что брата Абхаза точно таким же образом расстреляли несколько месяцев назад на Кутузовском проспекте. Плотников был убежден, что братья Логия кому-то перебежали дорогу, за что и были, в соответствии с правилами этой среды, «наказаны» соперниками. Нападение, одним словом, произошло на почве расправы с Абхазом, а сидевшие с ним за одним столиком Наталья Чайкина и Василий Куркин были убиты случайно, ввиду того, что они находились рядом с бандитом. По той же причине был ранен и профессор Чайкин, муж госпожи гендиректора клуба «Авангард».

– Ну и что, Сергей Валерьянович, – спросил Турецкий, предвидя очевидный ответ, – помогла вам эта версия найти убийц?

Поскольку ответ был очевиден и для Плотникова, тот, не желая усугублять свое положение, молча пожал плечами: старались, мол, но не всегда получается. Не сказать чтобы это ему очень помогло. Турецкий продолжал, как заведенный, задавать вопросы:

– У кого-нибудь из противников группировки братьев Логия есть такая характерная примета – отсутствие двух пальцев на левой руке?

Повторять тот же жест Плотников не решился: Александр Борисович, человек, в общем, не злой, свирепел на глазах.

– Не обнаружили, – для разнообразия выразился он прямым текстом.

– Так что же вы вообще обнаружили? Для чего, спрашивается, допрашивали свидетеля Бычихина? Такое впечатление, что по Москве толпами расхаживают кавказцы, у которых не хватает двух пальцев на левой руке!

5

– Ну, братцы, с какого края за дело возьмемся? – по-родственному обратился к подчиненным Денис Грязнов.

«Братцы» не выказывали душевного подъема, который в идеале должен соответствовать новому делу. Бессменный Филипп Кузьмич Агеев накануне как следует посидел с друзьями и сегодня с утра, хотя и вполне трезвый, еще не успел вернуть себе естественный цвет лица. Сева Голованов украдкой пролистывал под столом брошюру с новыми толкованиями российского Уголовного кодекса. Алексей Петрович Кротов насупился, всем своим видом выказывая, что спортивные неурядицы заранее не внушают ему доверия. Один компьютерщик Макс, продолжая, по обыкновению, поглощать калорийные продукты (в данный момент он подпитывал свое необъятное тело сухариками «Три корочки»), сиял, как начищенный медный самовар:

– Будем следить за спортсменами! С целью выявления агентов «Дельты»!

– За кем следить-то? – уточнил Денис. – За всеми олимпийскими чемпионами одновременно? Эдак десяти «Глорий» не хватит.

Воинственно встопорщенная борода Макса доказывала, что ему и такая работка по плечу.

– Да ничего подобного! Да я...

– «Да ты», Максимушка, уймись, – строго порекомендовал ему Грязнов. – После сочинского дела не узнай тебя. Раньше стучал себе по клавиатуре или тихо там в системном блоке ковырялся, никого не трогал, а сейчас... Бэтмен какой-то!

Макс самодовольно ухмыльнулся в замусоренную крошками бороду: дело «Хостинского комплекса», в процессе которого скромный компьютерщик по необходимости превратился в законспирированного агента и даже захватил сестру главаря организованной преступной группировки в заложницы,¹ резко подняло его самоуважение. Поначалу Денис Грязнов считал это полезным, теперь начинал волноваться.

– Как раз тебя, Макс, я вижу одной из главных фигур предстоящей операции.

– За кем следить?

– Ни за кем!

– У-у-у...

– Насколько я помню, ты у нас в агентстве главный кошмар компьютерных сетей? Ну вот, значит, тебе счастье подвалило. Твоя ближайшая задача состоит в том, чтобы установить имена спортсменов, которые в настоящее время списаны в тираж и могут иметь зуб на нынешнее спортивное руководство. Ну и... не только имена, а все такое прочее: чем дышат, чем занимаются, возможный компромат... Короче, не мне тебя учить. Все понял?

– По-онял, – разочарованно протрубил Макс, отлеза на второй план вместе с пакетом сухариков. Полагая свое присутствие на совещании излишним, он с обычной бесцеремонностью вывалил в коридор, по которому долго еще разносились гулкие обиженные шлепки его подошв сорок шестого размера. Переждав Максовы шаги командора, Денис продолжил:

– Но главный компьютерщик прав, без слежки здесь не обойдется... Филипп Кузьмич, тут мы тебя задействуем. Ты у нас, как человек опытный, возьмешь под контроль лайнеровских девочек-«художниц». Особенно есть у них такая молодая, но приобретающая известность пигалица по имени Надежда Кораблина, так ей особенное внимание уделите. Собрала целый букет наград на последних Всемирных юношеских играх, на клубном чемпионате мира в Нью-Йорке, теперь вот на следующую олимпиаду нацеливается...

¹ Об этих событиях рассказывается в романе Ф. Незнанского «Отложенное убийство».

– Это всегда пожалуйста. – Филипп Кузьмич так расцвел, словно сообщение о Надежде Кораблиной воскресило его пострадавший от столкновения со спиртным организм. – Люблю вести наружное наблюдение за женским полом. Такого иногда насмотришься... А какая из себя эта Кораблина, чернявая или белая? Ты мне, Денис, сразу фотку покажи, чтоб подготовить. А то, не ровен час, увижу и влюблюсь.

Памятуя, что Агеева хлебом не корми, дай похохмить, а так-то он – ценный работник, Денис не стал обращать внимания на его шуточки, но и не прервал. Попросту, не реагируя на хохмящего подчиненного, продолжал давать инструкции:

– Алексея Петровича Кротова мы бросим на участок пострадавших клиентов лаборатории «Дельта». Опросите их как следует, выясните, что за люди брали у них анализы, как выглядели, какие удостоверения предъявляли. Потом, при установлении подозреваемых агентов «Дельты», займетесь слежкой конкретно за ними. Та же участь ожидает Колю Щербака. А вот Голованов у нас будет работать в тесной связке с Максом.

– За компьютером, что ли, рядом с ним сидеть? – Массивное головановское тело всколыхнулось от удивления. – Что бы я понимал в этой его программистской цифири?

– В программировании с FIDO и Интернетом в придачу никому больше понимать и не требуется: хватит с нас и одного такого чудовища, как Макс. А вот отследить кой-кого из тех разобиженных спортивных старичков, сведения о которых добудет нам Макс, – это дело другое, я полагаю?

6

Над Москвой скапливались тучи. Ветер раздувал кроны деревьев, гнал по тротуару въедливую пыль, залетающую в глаза: от его дуновений не спасал даже синий стеклянный купол над автобусной остановкой. Надя Кораблина зажмурилась, часто заморгала темно-русыми ресницами, дернула вверх «молнию» черной куртки. Похолодало незначительно – до восемнадцати градусов, и если бы не тренировки, не стала бы она натягивать среди лета куртку, да еще поддевать под нее тонкий, но плотный пуловер. Но Надя – с печальной ответственностью человека, привыкшего неотступно следить за своим физическим состоянием, что характерно для спортсменов и тяжелобольных, – знала, что после тренировки она всегда выходит разгоряченная: вспотеешь – и готово. Простудишься, начнешь чихать, кашлять и пропустишь тренировку. Простужаться Наде ни в коем случае нельзя... А, по большому счету, что ей можно? За что ни схватишься, все запрещено огромным страшным дядькой с железным именем Режим, который машет палкой и повторяет как заведенный: «Того нельзя, этого нельзя...» Засидеться за полночь с книгой или у телевизора нельзя. Пойти на день рождения к подруге нельзя – да и смысла нет, все равно придется ограничиваться минеральной, без газа, водичкой и с завистью коситься на гостей и виновницу торжества, поглощающих почем зря вкусные и жутко калорийные блюда. Нельзя даже тайком от тренера чуток мороженого перехватить. Надя вот позавчера попробовала, проявила слабость – и настала расплата. Как же сегодня влетело за лишний вес! Алла рассвирепела, будто выпущенная из клетки тигрица...

Автобус все не шел и не шел. А народ на остановке скапливался. Если Наде удастся победить на ближайшей олимпиаде («когда удастся», – честолюбиво подкорректировала она свою мысль), первым делом она купит машину: скромную, но надежную иномарку. Думала, что за предыдущие победы получит достаточные суммы, но все эти деньги ушли на ремонт квартиры, где она проживает с папой и мамой, и на операцию хворающей на протяжении десяти лет бабушке. А машина необходима! Чтобы не переминаться с ноги на ногу на остановке автобуса, увозящего человеческое стадо в унылые белоблочные тундры спальных районов, не тереться о чужие бока. Автобус вечно набит, а место никто не уступит. Еще и сгонят, если присядешь. Как же, ведь Надя молодая, а в транспорте одним старушкам сидеть разрешается! Кто бы знал, что у нее все тело саднит похуже, чем у этих горластых пенсионерок. Кто бы, такой добрый и мудрый, уловил ее боль...

Что такое боль – с этим вопросом Надя Кораблина к своим пятнадцати годам успела основательно разобраться. Боль – никогда не одна и та же, есть масса болей. Одни сильнее, другие потише. Одни терпеливо позволяют с ними сосуществовать, другие заставляют стискивать зубы, третьи вытягивают жилы, а есть еще такая боль, которая застит глаза тьмой и не дает с собой справиться, и ты, человек, превращаешься всего лишь в придаток боли. Их много. Но они поддаются классификации. Их надо четко, строго разделить на три категории, чтобы не дать себя одолеть и знать, с каким разрядом боли как справляться.

Есть боль, которая вступает в свои права, когда получишь травму на соревновании или на тренировке. Такое случается постоянно, можно сказать – закономерно. И это самая нестрашная боль – ну, вроде как нормальная. Растяжения мышц, подвывих суставов... Это как у солдата-пехотинца в бою: все равно не останешься целым, скажи спасибо, если ранение не очень тяжелое. А то ведь случается (у гимнасток, не у солдат, хотя у солдат, наверное, то же самое), что в первую минуту, неудачно упав, думаешь: «А, пустяки», – а потом не можешь дохромать в раздевалку. Ну после, как водится, врачи, и гипс, и тягостная нудная разработка пострадавшей части тела, и переживания из-за вынужденного бездействия, из-за того, что, пока на койке валяешься, все приобретенные тренировками достижения растеряешь, и старания как-нибудь обмануть бдительность медиков, чтобы побыстрее встать на ноги и побежать в гимнастический

зал. И если даже оказывается, что врачи были правы и недолеченные травмы беспокоят дольше и хуже, чем долеченные, – все равно это боль, которую можно перенести.

Боль номер два причиняет иные, с виду незаметные, но на деле мучительные страдания. Это когда, например, вот как сегодня, на глазах у всех тебя с презрительной усмешкой обызывают коровой и гиппопотамом, спрашивают, до каких размеров Кораблина собирается толстеть – килограммов до восьмидесяти? Или когда во время выступления, едва почувствуешь, что близка к победе: движения твои безупречно отточены, судьи готовят таблички с высшим баллом, публика на твоей стороне – и вдруг из-за досадного сбоя в элементе все летит в тартарары, а на пьедестал почета восходит соперница... В таких случаях главное – не расплакаться. То есть можно ночью, совершенно одной, вдоволь поливать слезами подушку, но на людях плакать категорически нельзя. Когда тебя отчитывают, перечисляя все твои действительные и мнимые недостатки, надо сохранять серьезный и слегка виноватый вид; поздравляя соперницу, необходимо улыбаться – той самой ослепительной улыбкой, которую заготовила для собственной победы. На душе скребут сотни злых черных кошек, а ты актерствуешь – разве это не боль?

Но самое страшное – боль номер три, которая объединяет в себе душевную и физическую составляющие. Когда стараешься (очень, очень стараешься) достигнуть желанной вершины, через нытье и рези в мышцах, через отчаянное детское «не могу» – и понимаешь, что ничего не получается. Думаешь, это все – предел, барьер, который не перескочить. Из такого состояния иногда выводит тренер и, несмотря на то, что на тренера частенько злишься, а иногда ненавидишь ее, несмотря на то, как жестоко она гнет и растягивает твои недостаточно гибкие руки и ноги, в такие моменты не испытываешь к ней ничего, кроме всепоглощающей благодарности и истощенной любви – так любят хозяев маленькие беспомощные животные. А когда не выводит... Возникает альтернатива: справляться самой – или бросать художественную гимнастику. Разочка два – два с половиной Надя пыталась осуществить второй вариант и окончательно выяснила, что гимнастику ни за что не бросит! Весь мир за пределами спорта чужой для нее. Ведь это такая сладкая отравка: раз попробовал – хочется еще, и еще, и еще... Но как же справиться с собой? Как прыгнуть выше головы?

Вот если бы какое-нибудь надежное средство... Если бы его кто-нибудь ей посоветовал... Или – дал...

Автобус подъехал к остановке – точнее, к Надиной радости, прибыли сразу два автобуса подряд. Второй маячил на горизонте, и Надя, вместо того чтобы пробиваться с боем в первый, предпочла дожидаться его. Она не ошиблась: если все места для сидения во втором автобусе тоже были заняты, то, по крайней мере, стоять здесь можно было с комфортом. Цепляясь за поручень, обитый пухлым материалом, напоминающим вспученную пластмассу, она смотрела в окно, за которым люди, далекие от мира художественной гимнастики, спешили по делам, встречались с друзьями, смеялись, выгуливали собак и детей, и угрюмо размышляла: «Почему я такая неудачница? Почему я так легко прибавляю в весе? Почему мне не суждено достичь совершенства?»

И, не видя себя со стороны, не замечала, глупенькая, насколько она ошеломительно хороша не только в соседстве с пожилыми женщинами, лишней вес которых равняется весу их неподъемных сумок, но и по сравнению со сверстницами, чьи тела изнежены фаст-фудом и сидячим образом жизни, – упругая, гибкая, точная, словно рапира. Точеные голова и шея, свободно развернутые плечи, ровная спина, тугие, как фасолинки, ягодицы, длинные мускулистые ноги, амортизирующие подсакивания автобуса так, что никакой резкий поворот не способен был заставить ее изменить идеальную осанку... А может быть, и замечала, и видела, только не усматривала смысла сравнивать себя – это выстраданное произведение труда и искусства – с автобусной толпой? Сравнить себя нужно только с лидерами, стремиться – непременно к труднодостижимому. Кто привык к горному воздуху, тому не придется по душе тоскливое обитание в низинах.

Надя Кораблина была поглощена печальными мыслями и не замечала мужских взглядов, которые (известно из практики!) частенько останавливались на ней. Недосуг ей было заметить, что один мужской взгляд был пристальней всех остальных... Впрочем, тот, кто наблюдал за гимнасткой Кораблиной, ни в коем случае не хотел дать себя заметить. Он следовал за ней от самого спортивного комплекса, где она обычно тренируется, и проводит ее издалека до самого дома. Конечно, если бы Надя заметила непрошеного наблюдателя, она имела бы право обратиться к ближайшему милиционеру... Однако милиция не нашла бы, к чему придраться. Цели мужчины, который следовал за Надей Кораблиной, нельзя считать предосудительными, хотя и они были далеки от заурядных мужских.

По мнению наблюдателя, слежка извинялась тем, что он желает Наде только добра. В ближайшем времени или чуть позже, они непременно встретятся.

7

Спортивный комплекс «Авангард», который возглавляла покойная Наталья Робертовна Чайкина, произвел на Турецкого благоприятное впечатление. Не то чтобы он так отменно разбирался в спортивных комплексах, но на первый взгляд все здесь было в полном порядке. Стадион, бассейн – все на уровне самых высоких мировых стандартов, если верить экспертам. Футбольная команда «Авангард» показывает стабильно высокие результаты на отборочных матчах. Финансовых нарушений в бухгалтерии действительно не отмечается. Прощупывающее почву замечание Турецкого о возможной связи Натальи Робертовны с криминалом, особенно с кавказскими преступными группировками, восприняли как кощунственное.

– Вы не знали ее! – обвиняюще воскликнул новый гендиректор спорткомплекса Аникеев, бывший заместитель Чайкиной, долговязый седоватый мужчина с неожиданными губками бантиком на длинном лошадином лице. – Она была человеком бескомпромиссным и прямым – кое-кто считал, что даже чересчур прямым. У нее был острый язык, она высказывала в глаза все, что думала. Если бы ей предложили сотрудничество уголовники – представляю, что она ответила бы им!

– Тогда, возможно, что-то похожее произошло в действительности? Ей сделали предложение – она ответила резким отказом. Преступники отомстили ей...

– Нет, Александр Борисович, не стройте фантастических предположений! Если бы это произошло, она бы немедленно обратилась в милицию. Кроме того, подобные события не могли пройти мимо меня.

– Вы упомянули о том, что покойная была резким на язык человеком. Какие конфликты возникали у нее на рабочем месте в связи с этим? Кто мог быть обижен на нее?

– Никто! Как вы могли подумать? Все любили Наталью Робертовну. А к ее бескомпромиссности и откровенности мы привыкли.

Словно в дополнительное доказательство того, каким замечательным гендиректором была Наталья Робертовна, Аникеев указал на одну из стен своего кабинета. Стена была в некотором роде мемориальной, оставаясь увешана несметным количеством дипломов и похвальных грамот, превозносивших на все лады покойную Чайкину. Одним словом, непонятным оставалось, кому было нужно убивать эдакого ангела во плоти.

– Уверяю вас, – вздохнул Аникеев, печально разводя руками, – следователь у нас был, опрашивал. Как видим, прошло полгода, а он ничего не добился. Говорят, если убийство не раскрывается по горячим следам, значит, оно не раскроется вообще. Это правда?

– Ну, не всегда, – уклончиво ответил Турецкий. Лично он придерживался той точки зрения, что поверхностным недобросовестным расследованием обстоятельств преступления Плотников нанес большой вред, и в первую очередь он был виноват в том, что оказалось напрасно упущено время. Преступления – любые, а не только убийства – в самом деле лучше раскрывать по горячим следам... Но не посвящать же постороннего человека в конфликты между работниками прокуратуры! – Как бы то ни было, следы я постараюсь найти. Горячие, холодные – любые.

– Бог в помощь, – напутствовал Аникеев. Непонятно, искренне или нет.

Божественная помощь в планах Турецкого не значилась. А вот эффект внезапности был ему на руку – благо Аникеев не успел предупредить сотрудников о готовящемся визите представителя Генпрокуратуры. Если уж не получилось раскрыть убийство по горячим следам, можно питать надежду на то, что народ успокоился, уgomонился, решил, что все скрыто и забыто. Вдруг проговорятся, если их застать врасплох?

Нет, Турецкий не ждал, что кто-то из тружеников «Авангарда», будучи прижатым к стенке, признается, что именно он убил Наталью Чайкину. Однако что-то похожее на оговорку

он получил – к тому времени, когда он, охрипший и измочаленный, вспоминая годы службы простым следователем, перешел от верхушки «Авангарда» к работникам среднего звена.

– Конфликты? – воздела искусственные бровки медсестра Юлия Блинова. Брови у нее, точно у средневековой японки, были выщипаны наголо и нарисованы черным карандашом почти что на лбу. – У Натальи Робертовны? Вы имеете в виду Лунина и Бабчука? Ну, знаете, это все в прошлом. Они давно исправились.

– А кто такие Лунин и Бабчук? – немедленно прицепился Турецкий.

Медсестричка не была великим конспиратором или не видела, почему она должна скрывать то, что известно всем в «Авангарде». Одно время, примерно за три месяца до своей гибели, Наталья Робертовна пыталась отчислить из команды ведущих футболистов клуба «Авангард» Лунина и Бабчука. Но на защиту футболистов встали все в команде, в том числе врач и тренер. Стороны пришли к компромиссу, Лунин с Бабчуком раскаялись в своем поведении, и дальше все обстояло благополучно.

– Чего же они не поделили?

Пожатие одним узким плечиком, вздергивание японских бровей совсем уж до линии роста волос. Головокружение от успехов... нарушение режима... невыход на тренировку... что-то такое, в общем-то, медсестре в это вникать ни к чему.

– А где они сейчас, Бабчук и Лунин?

– На сборах. Вернутся через неделю. Но если вам интересно, как к ним относилась Наталья Робертовна, обратитесь к ее мужу... то есть к бывшему ее мужу... то есть не знаю, как это назвать...

– К вдовцу. Спасибо, Юлия.

Именно это и значилось следующим номером намеченной Александром Борисовичем программы. Навестить вдовца.

8

Что и говорить, Макс остался не вполне доволен тем, что Денис проигнорировал проявленный им в деле «Хостинского комплекса» героизм и директивно усадил компьютерщика за рутинную работу, которой ему, согласно трудовому договору, и надлежало заниматься. Однако, очутившись в любимом потертом кресле, достаточно надежном, чтобы переносить его вес, напротив любимого компьютера, с любимой пачкой сухариков под рукой, он ощутил, как на него снисходит успокоение. В конце концов, отрадно сознавать, что ты не слабак и можешь с блеском выполнять повседневные обязанности рядового глориевца не хуже, скажем, того же Агеева. Однако так же отрадно снова приступить к тому излюбленному виду деятельности, в котором тебя не переплюнут ни Агеев, ни Денис Грязнов, ни даже сам Алексей Иванович Кротов. И Макс нырнул в поиск информации, точно в море с восхитительно прогретой солнечными лучами водой.

По волнам Интернета и FIDO его носило достаточно долго, прежде чем в этих мутных вод начали проблескивать ракушки, возможно содержащие жемчужины, а может, и нет – заранее ничего нельзя сказать. Небрезгливый Макс старательно их вылавливал и с превеликим тщанием укладывал в коллекцию фактов. А относительно небрезгливости – так ведь в сетях, извините, такого начитаешься...

Вот, например, поклонники российского футбола на своих форумах употребляли совершенно непарламентские выражения, дознаваясь, из-за чего продула наша сборная. Их страсти у Макса, равнодушного к этой игре, не вызвали сочувственных эмоций; однако в обсуждении участвовали компетентные, судя по высказываниям, люди, укрывшиеся под нейтральными никами. Они утверждали, что разгромный счет обусловлен отсутствием в рядах российской сборной ее звезды Егора Таранова. Некто, кого на форуме называли «предателем», сообщил в спортивные международные организации об употреблении анаболиков членами русской футбольной команды. После того как было объявлено, что в допинг-пробе знаменитого российского футболиста найден эфедрин, ассоциации ряда стран вцепились зубами в возможность занять место сборной России на первенстве мира. Похожая участь постигла знаменитого и очень талантливого форварда Игоря Сизова, которого дисквалифицировали за применение допинга на два года.

«Чувствуется рука „Дельты“! – обрадовался Макс. – Жаль только, что этот некто так и не дал себя вычислить. Конечно, компетентные источники могут недоговаривать, но вряд ли. Знай они, кто именно этот „предатель“, – ух, и досталось бы ему!»

На всякий случай Макс отметил, что Денису очень даже стоит побеседовать с Тарановым и Сизовым: возможно, они припомнят какое-нибудь обстоятельство, важное для расследования. Получить их телефоны для директора ЧОП «Глория», работающего по заданию высшего спортивного руководства, не составит труда.

Далее по списку располагалась многократная чемпионка Европы, чемпионка мира Дарья Хромченко, которую считали главной претенденткой на золотую медаль в предстоящих олимпийских играх. На нее так рассчитывал господин Титов! Теперь эта бой-баба не сможет выйти на олимпийский помост. В Париже, где проводился чемпионат мира по тяжелой атлетике, у Хромченко уже был взят внесоревновательный допинг-тест. О том, что в пробе «А» штангистки обнаружен классический анаболик – метандростенолон, стало известно накануне чемпионата мира. Хромченко была отстранена от соревнований. Еще одна победа «Дельты»? Весьма вероятно...

Информация буквально сыпалась Максy в руки. И количество файлов в только что заведенной им в компьютере папки под названием «Дельта» стремительно увеличивалось.

9

Статистика показывает, что едва ли не к самой уязвимой категории редееющего с каждым годом мужского населения относятся вдовцы. Они чаще других умирают от инфарктов и инсультов. Даже по несчастным случаям они входят в группу риска. Для мужчины, голова которого занята скорбными мыслями об утраченной женщине, с которой он собирался долго жить и умереть в один день, очень легко, не заметив, войти в опасную зону под строительными лесами или ступить на проезжую часть, в то время как на светофоре горит красный сигнал...

Глядя на Константина Германовича, так и думалось о принадлежности его к группе риска. Слегка оправившись после того страшного дня, с которого начался для него текущий год, выкарабкавшись из заторможенно-слезливого состояния, в котором он пребывал на койке института Склифосовского, Чайкин продолжал производить тягостное впечатление на людей знакомых и незнакомых. Он и раньше-то представлял собой тип «рассеянного профессора», но если прежде, в зримом или незримом присутствии энергичной и заботливой жены, игравшей для него роль скорее матери, чем любовницы, над странностями Константина Германовича хотелось добродушно посмеяться, то теперь они вызывали грусть. Грусть, направленную не только на этого сгорбленного, серого, как бы обсыпанного траурным пеплом человека, на глазах превратившегося из просто немолодого – в старика, но и на весь удел рода людского, полный непредсказуемых ударов и нежелательных поворотов.

Возникновение в его жизни Александра Борисовича Турецкого, ищущего убийц Наташи, Константин Чайкин воспринял все с тем же траурным равнодушием. Вот если бы он искал саму Наташу, тогда другое дело... В потаенных подвалах сознания Константина Германовича скрывалось абсолютно нелогичное, но труднопобедимое убеждение, что Наташа не умерла, а куда-то скрылась, и, приложив усилия, ее еще можно найти. Причина этой причуды заключалась, по всей видимости, в том, что Наталью Робертовну похоронили без его участия и, не увидев супругу мертвой, он по-прежнему представлял ее живой.

– Ищите, – позволил Константин Германович, диковато и сурово взблескивая глазами, которые до чудовищного размера увеличивались стеклами очков. – Вот, все в ее комнате, как при Наташе. Ничего не тронул, не выбросил. Если это может помочь, смотрите, копайтесь.

В доме покойной Турецкий застал мемориальное кладбище грамот и дипломов, аналогичное тому, которое сохранил в «Авангарде» ее кабинет. Только если рациональный Аникеев позволил всей этой бумажной глянцевости красоваться на стене для всеобщего обозрения, то здесь она хранилась рассованной по ящикам, кое-как. Судя по способу хранения свидетельств своих достижений, чрезмерной любовью к почестям Наталья Чайкина не страдала. Не исключено, она считала, что это на работе она – гендиректор, а дома – обычная женщина... Перебирая документальную шелуху отлетевшей жизни, Турецкий неторопливо беседовал с Константином Германовичем, мало-помалу склоняя его память к интересующим следствие и начисто упущенным Плотниковым деталям.

– Наташа – была ли она раздражительной? Я бы не сказал... Наташа... – Чайкину доставляло горькое удовольствие произносить имя женщины, которую он никогда уже не сможет позвать. – Но она волновалась из-за работы. Наташа болела своим делом, принимала его близко к сердцу. Была неравнодушным человеком. Если Наташа раздражалась, то только по этой причине.

– Вам о чем-нибудь говорят фамилии Лунина и Бабчука?

– А кто это такие?

– Футболисты клуба «Авангард». Наталья Робертовна грозила их выгнать. За что?

– Бабчук... Бабчук... что-то такое цепляется... – Константин Германович сосредоточенно сощурился за очками, ради усиления мыслительного процесса почесал лысоватую

голову, обсыпав новой порцией перхоти спину и плечи серого пиджака. – Пойдите, пойдите, Лунин и Бабчук! Как же... Я же помню, «одурманенные»...

– Как-как? – Турецкий напрягся в ожидании, отложив кипу свидетельств, среди которых одно его чем-то беспокоило, но у него будет время разобраться с этим после. – Одурманенные?

– Я никогда не вникал в подробности Наташиных спортивных дел, я математик, знаете ли, но сейчас отчетливо вспомнил. Наташа действительно... она была сердита и говорила кому-то по телефону, что в «Авангарде» не место дурману и одурманенным. И при этом повторяла фамилии Лунина и Бабчука, да-да, в точности как вы сказали.

– У вас есть предположения, что бы это могло значить?

– Никаких. Подробностей Наташа мне не сообщала, а я не спрашивал. Наташа рассказала бы мне, если бы сочла нужным. Мы уважали друг друга...

– Когда это было?

– Боюсь, не смогу помочь. Хронология встает на дыбы. За неделю до... или за месяц... нет, я что-то путаю... Наташа у нас всегда следила за числами... Наташа...

– Не волнуйтесь, Константин Германович, – поспешил его утешить Турецкий. – Если даже не вспомните, ничего страшного. Если вспомните, сообщите все-таки мне.

– Можете на меня рассчитывать, – с излишней, возможно, высокопарностью пообещал Чайкин.

Турецкий отметил эту высокопарность мельком, вскользь, поскольку его в данный момент занимало нечто другое. В груде бумаг, извлеченной из модернистского шкафа, который состоял из соединенных причудливым образом полочек и ящичков разной формы, он наткнулся на один документ, важность которого успел отметить, но полностью оценил ее только сейчас.

– Константин Германович, ваша жена была членом «Клуба по борьбе с запрещенными стимуляторами»?

10

Снова тяжелый, выматывающий день – и никаких результатов! Надя Кораблина выходила из спортивного зала, неся свое изумительное тело, как чашу, полную разочарования. Алла Лайнер снова унизила ее, высмеяла перед остальными девчонками – менее совершенными, менее красивыми, менее способными, чем она! А они смотрели и радовались, должно быть, что Надя, прирожденный лидер, новая олимпийская суперзвездочка, так промахнулась. Она ведь и в самом деле промахнулась, себе-то врать не станешь. Никак ей не дается эта новая, вроде сделанная специально под нее программа! Особенно сложным оказался элемент с булавой. Плохо получается, с заметным мышечным усилием, с какой-то лошадиной чрезмерной натугой. А художественная гимнастика – это искусство изящества. Свирепый оскал, напряжение сведенных мышц простят борцу или штангисту, но гимнастка обязана улыбаться. Несмотря ни на что, вопреки всему.

А попробуй тут поулыбайся, когда физические силы истощены! Надя уже неделю чувствовала, что она на пределе. Но сейчас, когда все старания ушли впустую, усталость охватила ее целиком. Она последней покинула после тренировки спортивный зал, когда-то бывший для нее воплощением мечтаний как дворец сказочного принца, и позже всех вошла в душевую. Лайнер не остановила ее, не утешила, как бывало раньше, и это нанесло Надиному сердцу еще одну рану. Прежде строгость тренера компенсировалась вспышками великодушного прощения, сегодня Алла Александровна осталась отстраненна и холодна. Зачем она так? Почему? В чем причина? У тренера, как у любого человека, могли быть свои неприятности, происходящие вне стен спорткомплекса, она могла срывать на подопечных злость, но Надя не хотела в это верить. В ее глазах тренер не имела слабостей, она воплощала собой абсолютную справедливость – и не только спортивную. Великолепная Алла Лайнер сжимала в руке карающие молнии, но тем сильнее хотелось от нее милосердия, участия и поддержки. Пусть бы сто раз обругала перед всеми, зато наедине по-матерински обняла (рядом с ее ста восьмьюдесятью сантиметрами роста Надя чувствует себя маленькой девочкой) и шепнула: «А все-таки ты умница, у тебя рано или поздно получится. Не исключено, что уже на следующей тренировке. Я в тебя верю». Но сегодня... ничего: ни участливого слова, ни утешения! А что, если Надя и в самом деле надорвалась, истощила свои невеликие силы, осталась пустая, как выжатый лимон? И это в начале спортивной карьеры. Тогда уж точно с гимнастикой надо завязывать. Но до чего же обидно! Заплакать, что ли? Уже и в носу щиплет...

В душевой Надя обнаружила, что, как она ни задержалась, здесь кроме нее обретается еще одна поздняя пташка: Лия Звонарева. Ишь, полирует спину скрабом, будто в салоне красоты. Надя отвернулась к стене и открутила побольше кран горячей воды, облаком пара отгораживаясь от Лийки: разговаривать не хотелось. Они подругами отродясь не были... Конечно, настоящей дружбы между гимнастками никогда не бывает (как дружить с соперницей?), но даже если вычесть всеобщую зависть и подозрительность, между этими девушками – ни тени сродства. Кораблина – звезда, а Звонарева – так, середнячок. Не то чтобы на грани вылета, но слеплена не из чемпионского теста. Правда, это ее, кажется, не слишком беспокоило: Лия никогда не была честолюбива. Зато общительна, компанейский человек. Вот только нужна сейчас Наде Лийкина общительность, как рыбке зонтик...

– Надя, хочешь, возьми мой скраб. Выжимай, не жалея: здесь еще полтюбика.

– Спасибо, мне ни к чему.

Как ни старалась Надя избежать разговора, слово было сказано, и тотчас Лия вместе со своим невыжатым тюбиком скраба перекочевала поближе к Надиной кабинке, завилась вокруг юрким выюном.

– Как же это ни к чему? Всем к чему, я так считаю. Женщина должна заботиться о красоте. Правда, ты, наверно, к этому не привыкла, потому что и так красивая. Была бы я такая от природы, тоже, наверно, ни о чем бы не думала. Кожа-то какая гладенькая у тебя! А талия – тоненькая, как иголка! Вот прямо смотрю на тебя, Надь, и радуюсь. Другие, наверно, завидуют по углам, а я не завистливая. Мне просто радостно, что вот есть же в мире такая красота...

Надя подозревала, что после всего, что произошло на тренировке, ей будет невыносимо выслушивать мелкие Лийкины восхищеньица. Как ни странно, произошло по-другому: то, что кто-то искренне (а зачем Лийке врать?) хвалит ее тело, которое оказалось неспособно освоить сложный элемент, несло успокоение.

– Никому, видно, не нужна моя красота, – возразила Надя.

– А что такое? – удивилась Лия. – Неужели с парнем поссорилась? Так брось его: другого найдешь.

– При чем тут парни какие-то? – досадливо передернуло Надю. Парни были действительно ни при чем: высоко себя ценя, отраду физической любви она заменяла честолубием. – Ты что, не слышала, как Аллочка на меня наорала? И правильно... и я сама чувствую, что не справляюсь.

Снова слезно защипало в носу.

– Из-за этого – да чтоб так переживать? – усмехнулась Лия. Не теряя даром времени, она выжимала на себя из опорожнявшегося тюбика белые червячки скраба, растирала их по плечам, и из-за размеренности и монотонности этих действий казалось, что сопровождавшие их слова должны быть обыденными, простыми, само собой разумеющимися. – Получится у тебя, все получится! Таблетки попринимаешь, и все будет отлэ.

– Какие таблетки? – Слезы у Нади почему-то отступили.

– Которые все чемпионы принимают, – беззаботно сообщила Лия. – Которые помогают силы восстановить.

– Наркотики?

– Ты чего, с дуба рухнула? – Речевой оборот отдавал грубостью, но Звонарева так потешно округлила свои черненькие мышинные глазки, что Надя не удержалась, чтобы не улыбнуться. – Наркотики вредные, а эти лекарства полезные. Они для того, чтобы сил прибавилось, чтобы мышцы стали крепче. Попросишь врача, он тебе их пропишет.

– Нашего врача?

– Почему обязательно нашего? Нет, можно и нашего, но ты же знаешь, как это бывает: врач всем растреплет, что ты таблетки принимаешь, девчонки станут злиться, завидовать... У меня есть знакомый врач, тоже в прошлом спортсмен. Собаку съел на этих лекарствах, плохого не назначит. Если хочешь, я тебя к нему отведу. Ну так как?

Надя ответила не сразу. Она задумчиво водила мочалкой по бедру, наклоняясь, чтобы скрыть лицо. Это было неожиданное предложение. Как все, более или менее причастные к миру большого спорта, она была наслышана о допинге, но Надина гордая необщительность до сих пор хранила девушку от того, чтобы узнать о нем подробнее. Слышала она, что есть такие лекарства, которые помогают добиться победы, но принимать их запрещено, потому что... Потому, что это попросту нечестно. Как нечестно жульничать в любой игре. Все будут выступать по-настоящему, без таблеток, а она – с таблетками...

Но ведь Надя – не как все! Она такая красивая, она такая талантливая! Ей просто требуется небольшая поддержка. Поддержка в трудном жизненном периоде, только и всего. А дальше она пойдет сама, безо всяких подпорок. Что же в этом криминального? Притом Лия ведь не сует Наде горсть каких-то таблеток, взятых неизвестно откуда, она ей предлагает врача, который обследует ее и выпишет то, что требуется. Медицине Надя привыкла доверять...

– Нет, вообще как хочешь, дело твое, – вклинилась в ее размышления Лия, которая, кажется, извела на себя столько скраба, что странно, как это она не осталась без кожи. – Я

просто собиралась тебе помочь. Но не хочешь, не надо. А я тебя все собиралась спросить: ты лаком для волос пользуешься?

Нагота между людьми одного пола способствует доверительности. И понижает критичность.

– Лаком? Нет, не пользуюсь... Лия, ты мне все-таки дай телефон того врача.

– Ой, да пожалуйста! Я тебя ему рекомендую. А то учти, врач жутко популярный и модный. К нему очереди выстраиваются. Я ему намекну, что ты будущая олимпийская чемпионка и моя подруга, и он тебя примет безо всяких, только так...

11

Егор Таранов встречаться с Денисом категорически отказался, едва услышал, что речь пойдет о допинге. Закатившаяся звезда российского футбола даже матюгнулась – не прямо в трубку, а словно бы в сторону, но так, что Денис услышал и понял: здесь он ничего не добьется. Зато Игорь Сизов оказался суховат, но вежлив и предложил назначить время для личной встречи, так как это не телефонный разговор.

– Только во второй половине дня, – уточнил Сизов. – В первой половине у меня, как всегда, тренировки.

У Дениса хватило сообразительности не высказать своего недоумения: он-то воображал, что дисквалифицированному спортсмену незачем так уж стараться! Но Сизов почувствовал заминку и уточнил:

– Некоторые на моем месте использовали бы это время, чтобы вроде как пожить для себя: нарушать режим, употреблять алкоголь, забросить физические нагрузки... Только после этого слишком трудно вернуться в прежнюю форму. А я надеюсь, когда срок дисквалификации истечет, доказать, что я в отличной форме. В наилучшей! И что раньше я побеждал не благодаря допингу.

Под конец своего небольшого монолога Сизов заметно разволновался и, сделав паузу, закончил:

– Так что не бойтесь: выгораживать себя не стану. Скажу все как есть.

«Сказать все, как есть» Игорь Сизов намеревался в ближайший вторник, в четыре часа дня, возле станции метро «Кропоткинская». Изучив футболиста по фотографиям и записи его последнего матча, Денис Грязнов с трудом узнал его. Такова уж специфика футбола как зрелища, что мельтешащие на зеленом поле фигурки в майках и трусах выглядят неестественно маленькими и тоненькими, словно шахматные фигуры, с помощью которых разыгрывает хитрые комбинации невидимая рука. А навстречу Денису со стороны подковообразного здания станции двигался здоровенный мужчина лет тридцати, крепкий и широкоплечий. И еще – во время матча лицо игрока искажается разнообразными чувствами, заставляя его порой казаться грубым и агрессивным. Но в Игоре Сизове, вопреки развитым, переливающимся под рубашкой мускулам, не ощущалось никакой грубости: непредвзятый наблюдатель обязательно отметил бы, что у него тонкое, вдумчивое, интеллигентное лицо.

Интеллигентный футболист? Почему бы и нет; Денис Грязнов – человек без предрассудков. Вот только не вяжется как-то с интеллигентностью прием допинга...

– Пройдемся по бульварам? – предложил Сизов и первым зашагал в направлении Нового Арбата. Шаг у футболиста был размашистый, скорый, но Денису, тоже высокому и физически развитому, удавалось держаться с ним наравне. Миновав длинные торговые ряды, подпортившие архитектурный облик этого старинного, обильно озелененного, типично московского места, Сизов остановился у первой скамейки и попросил:

– Не сочтите за недоверие, но не могли бы вы предъявить документы?

Денис охотно исполнил требование. Документы Сизов рассмотрел не торопясь, внимательно вчитываясь в слова: «частное охрannое предприятие...», «директор...».

– Так, значит, прием допинга в нашей стране уже расценивается наравне с уголовщиной?

– Ну зачем вы так, Игорь Сергеевич, – покорило Дениса, – мы совершенно не настроены никого ни в чем обвинять.

– И напрасно, – неожиданно возразил Сизов. – Обвинять как раз нужно. После решения о дисквалификации я много об этом размышлял... Вся загвоздка в том, кого обвинять. Знаете, типично русские вопросы: «Кто виноват?» и «Что делать?». Ни на тот, ни на другой в случае приема допинга я внятного ответа не нахожу.

Удостоверив Денисову личность, они снова двинулись вдоль бульвара, теперь уже неспешно, точно прогуливаясь, наслаждаясь видом зеленых деревьев и газонов, веселых детей, резвившихся вокруг выструганных из пеньков скульптур, троллейбусов, которые проплывают за чугунной низкой решеткой ограды точно в другом мире, не здесь.

– Со стороны все ясно, – застарелая, невыветрившаяся обида звенела в голосе Игоря Сизова, – спортсмен принимал запрещенные лекарства, значит, спортсмен и виноват. На это, мол, его подбило неудовлетворенное честолюбие. Погнался за синей птицей, а потерял синицу в руке. А на самом деле эта достоверная с виду картинка – глупость. Вот вы скажите, Денис Андреевич, если бы вам предложили: «Прими лекарство, от которого ты станешь вдвое сильнее, зато срок твоей жизни тоже сократится вдвое», – вы согласились бы?

– Ну я, наверное, нет, – со сконфуженной улыбкой ответил Денис, – но, должно быть, найдутся такие, что согласятся...

– Если совсем ненормальные – да. Денис, я похож на ненормального?

На риторические вопросы отвечать не принято, и Денис промолчал.

– Послушай, Денис, мы же ровесники, давай на «ты» и без отчеств... Весь фокус в том, что никто никому так в лоб это не заявляет. Никто ведь не говорит игроку: ты выпей эту таблетку, будешь быстрее бегать, но за это тебя могут дисквалифицировать, и ты подорвешь свое здоровье. Если человеку такое сказать, он ничего принимать не будет. Говорят по-другому: ты выпей эту таблетку, она нужна для восстановления сил. А потом происходят такие случаи, как с Тарановым...

– Он отказался со мной встречаться. Даже вроде бы обругал...

– Ты на него не сердись: переживает человек. Я его понимаю: ведь только он один пострадал в той ситуации. А таблетки ему постоянно подсовывал врач его клуба Олег Коротков, его и в сборной по футболу, когда он там работал, и в сборной России по биатлону поймали на тех же таблетках.

– А как получилось у тебя?

– Примерно так же, только врач у меня был индивидуальный. Не-за-ви-си-мый, – сквозь зубы процедил Игорь. – Я-то думал, он полностью независимый, не контролируется теми, кому подавай быстрые результаты и медалей побольше... А может, и правда не контролировался, трудно выяснить. Чьи-то интересы здесь были задействованы, без постороннего вмешательства не обошлось. Может, интересы поставщиков тех самых таблеток, которые перед ответственными соревнованиями прописывал мне Боб... Борис Савин его зовут, а я его звал просто Боб. Считал за друга. Толстый такой, весельчак, сам бывший спортсмен. Трудно поверить...

Примерно в течение минуты они двигались по Бульварному кольцу в молчании.

– Лично я за уголовную ответственность в области допинга, но против того, чтобы ответственность нес спортсмен, – снова заговорил Игорь Сизов. – Потому что в этой цепочке – производитель-распространитель-врач-спортсмен – последний виноват меньше всего. А получается так, что он за все расплачивается. Ну, правильно, в любой ситуации ищут крайнего!

Игорь откровенно, не пытаясь приукрасить ситуацию, рассказал, каким образом расплата настигла его. В купе поезда Москва – Сочи, перед самым отправлением, когда пассажиры уже нашли свои места, внесли вещи, а некоторые даже расстилают на нижних полках казенные матрасы. Игорь пока что не обустраивался в купе, а просто смотрел из-за полуотдернутой занавески с эмблемой Сочи на перрон, разглядывая провожающих и отъезжающих. Ему показалось, что в толпе мелькнуло знакомое лицо... Да нет, какое там «показалось»? Разве мог он не узнать Ярослава Шашкина, в прошлом знаменитого футболиста, о котором сейчас никому не известно, где он, что с ним... Шашкин остановился перед вагоном, в котором ехал Игорь, и, указывая в его сторону, о чем-то сказал группе незнакомых Игорю людей, а потом растворился в толпе.

Спустя несколько секунд двое из этой группы, мужчина и женщина лет сорока или больше, возникли в его купе. При себе у них имелся светло-коричневый чемоданчик, наподобие тех, которые носят медсестры-лаборантки. Лицо женщины тоже показалось Игорю смутно знакомым, хотя он не в состоянии припомнить, кто она. Мужчина открыл чемодан, обнажив его содержимое: пробирки, пипетки, иглы, резиновые жгуты...

«Лаборатория “Дельта”», – сказала женщина.

Взятие проб не заняло много времени: все закончилось еще до того, как поезд тронулся. Но приговор Сизову был подписан: по настоянию Боба он начинал принимать таблетки за неделю до матча, так что в его крови нетрудно было обнаружить то... что в ней содержалось.

– Послушай, Игорь, – недоумевал Денис, – ты же взрослый человек, как же ты позволил неизвестно кому, неизвестно с какими целями взять у тебя кровь?

– Но у них были надежные бумаги от МОК! Заверенные сертификаты! И по-русски, и по-английски... Как тут сопротивляться? Ко всему прочему, я не был стопроцентно уверен, что таблетки, которые я принимаю, относятся к допингу. Я считал, Боб не способен меня так подставить.

– Хорошо, но если ты видел документы, наверное, должен вспомнить фамилию предъявителей.

– В том-то и дело, что не помню! Как-то на «М»: Муркины? Мурины? Запомнилось, что они были однофамильцами: наверное, муж и жена. Я в тот момент на этом не заикливался. Воображал, как дурак, что это рутинная проверка, которая ничего не покажет. А на основании этой пробы потом заявили, что я постоянно перед матчами принимаю анаболики...

Снова минута тягостного молчания. Впереди замаячила уже Арбатская площадь.

– Нет, если исключить спортсмена из этой цепочки, о которой я тебе говорил, то уголовную ответственность вводить нужно. Правда, – вздохнул Сизов, – у нас страна такая, что подставить под эту статью можно будет кого угодно. Желательно перед принятием такого закона навести элементарный порядок в спорте. Ну, это я так, о своем... Денис, я тебе помог?

– Надеюсь, что да, – сказал Денис.

12

«Гендиректор спортивного комплекса „Авангард“ Наталья Чайкина и легендарный чемпион мира по футболу Ярослав Шашкин на торжественном открытии “Клуба по борьбе с запрещенными стимуляторами”». Комментарий под фотографией был чересчур длинным, изображение на газетной бумаге – нечетким. Из какой газеты была вырезана заметка с фотографией, установить не представлялось возможным, но, судя по комментарию и безыскусности стиля, Турецкий предположил, что газета эта не имеет большого тиража. Скорее всего, это специальное издание для спортсменов и их поклонников. В самой заметке скупо сообщалось о том, что клуб, открытый 25 июля 2004 г., ставит своей задачей борьбу с приемом русскими спортсменами фармакологических средств, которые наносят вред здоровью и портят репутацию России на международной арене. Имя председателя клуба – Павел Любимов – отозвалось в памяти чем-то знакомым, но неуловимым. Не исключено, Турецкому доводилось читать о Любимове... или видеть его по телевизору... или... нет, воспоминание ускользало, не давая ухватить себя за хвост. Не важно; он обязательно наведет справки о председателе «Клуба по борьбе с запрещенными стимуляторами». А также стоит побеседовать с Ярославом Шашкиным, который на фотографии едва ли не обнимался с Натальей Чайкиной.

Вот сколько информации удалось извлечь из крошечной газетной вырезки, затесавшейся меж свидетельствами и дипломами, которые бережно хранил Константин Германович Чайкин, дорожа каждой материальной частицей памяти о покойной жене. Если бы не он, возможно, судьба расследования сложилась бы по-иному и Турецкий долго еще блуждал бы в потемках, вместо того чтобы поскорее выйти в ослепительный свет прожекторов, освещающих поле битвы за спортивные награды... Вот только игры на нем велись неспортивные, с применением запрещенных приемов.

Рюрик Елагин, многократно проявивший себя специалистом в добывании информации, уже через два часа после получения задания притащил Александру Борисовичу сведения о Павле Любимове и Ярославе Шашкине.

– Александр Борисович, а вы знаете, что Любимов убит?

– Как? Когда?

– Первого января сего года.

В тот же самый день, что и Наталья Чайкина... Необходимость диктовала ознакомиться с делом Любимова как можно скорее. Тем более что дело, как выяснилось, не закрыто, виновные так и не найдены.

– Кто этим делом занимается, Рюрик?

Оказалось, следователь Дмитрий Горохов из прокуратуры Северо-Западного округа. Когда Турецкий получил эту информацию, время приближалось к восьми вечера и застать следователя Горохова на рабочем месте было бы трудновато. Зато для того, чтобы позвонить бывшему чемпиону, ныне пенсионеру, Ярославу Шашкину, было еще не слишком поздно.

Шашкин, по всей видимости, жил один в квартире, потому что подошел к телефону не сразу и сам. Узнав, по какому поводу его беспокоят из Генпрокуратуры, проявил не поддающийся описанию энтузиазм:

– Наконец-то, – каркающим голосом закричал он в трубку, – кто-то заинтересовался тем, что нас убивают! Нас всех убьют, а милиция пальцем о палец не ударит! Пашу убили, Наташу убили... завтра, того и гляди, до меня очередь дойдет... – Голос Шашкина оборвался в кашель, такой же громкий и еще больше похожий на воронье карканье.

– Ярослав Васильевич, – дав ему откашляться, вклинился в паузу Турецкий, – вы готовы побеседовать со мной об этих убийствах?

– Да запросто! Да когда угодно! Могу я приехать к вам немедленно? Или лучше вы ко мне... – Снова кашель, словно сошла с ума стая ворон. – Я тут приболел маленько...

События закручивались стремительно, и Турецкий не отказался от приглашения. Слишком хорошо ему было известно, что свидетеля надо хватать и не отпускать, пока он тепленький. Сколько раз так бывало: думаешь, что времени больше чем достаточно и от свидетеля можно получить любую информацию завтра или в любой другой день. Но завтра или в любой другой день он отказывается говорить – или не в состоянии больше говорить никогда... Поэтому, грустно представив несостоявшийся вечер в кругу семьи (Ирина Генриховна привыкла к тому, что муж задерживается, она сердиться не будет), Турецкий полетел по указанному адресу.

Ярослав Васильевич Шашкин был еще не стар, но, кажется, в самом деле болен, потому что, открывая Турецкому дверь, снова закашлялся даже от такого минимального физического усилия. Александр Борисович подумал, грешным делом, что болезнь дала осложнение на голову, потому что после того, как он представился, Шашкин пустился повторять на все лады: «Старший помощник генерального прокурора, ну и ну! Бог ты мой! Вот это да!» – словно предшествовавшего разговора по телефону и не было. В состоянии ли этот пожилой человек отвечать за свои слова, не окажется ли беседа с ним бесполезной? Как бы раскусив эти сомнения, Ярослав Шашкин уточнил:

– Вы уж простите мне, Александр Борисович, мои стариковские ахи и охи. Такие важные гости, как вы, не часто в мою конуру заглядывают. Все больше такие же, как я, спортсмены, списанные в утиль.

Широкоплечий, румяный, с бычьей шеей, хотя и надрывно кашляющий, Шашкин никак не производил впечатления экземпляра, списанного в утиль. Да и «конура» была обставлена довольно пристойно и даже с потугами на роскошь. Новенький музыкальный центр с караоке, домашний кинотеатр, современная стиральная машина – Ирина Генриховна приобрела такую всего полгода назад... И все это – при журчащей на всю квартиру сантехнике, выцветших обоях, скрипучем паркете. Создавалось впечатление, будто Шашкин не так давно разбогател и, словно ребенок, начинающий обед со сладкого, пустился удовлетворять сиюминутные капризные потребности в ущерб потребностям насущным.

Но причины благоприятного финансового поворота в своей судьбе Ярослав Васильевич не освещал. Наоборот, с места в карьер пустился жаловаться на спортивную мафию, которая вытесняет старых добросовестных тренеров с их мест, буквально выбрасывая их на улицу побираться. Взамен же набирает людишек, которые выжимают из спортсменов все силы, пичкая их анаболиками... То ли дело Шашкин и его поколение, они и слов таких, как «анаболики», не слышали! Ну и конечно же, когда появился «Клуб по борьбе с запрещенными стимуляторами», мафии это крепко не понравилось. Так что, если Александру Борисовичу нужны подозреваемые по делу Натальи Чайкиной и Павла Любимова, пусть обратит внимание на боссов из Олимпийского комитета России. Рыба с головы гниет.

Турецкий тоже был убежден, что дела Натальи Чайкиной и Павла Любимова необходимо объединить, чем он намерен заняться. Но сперва невозможно не задать несколько вопросов:

– Ярослав Васильевич, а что, клуб сейчас существует?

– Существует, но больше на бумаге. Когда Паши не стало, у нас все затихло. Трудно нам без него...

– А каким образом вы боролись против приема допинга? Каковы были ваши средства?

– Узнавали. Разоблачали...

– И многих разоблачили?

– Игоря Сизова. Дарью Хромченко... Да мало ли! Сразу и не припомнишь.

– Футболисты «Авангарда» Лунин и Бабчук среди них были?

– Наташа мне о них говорила. Не успела их выставить. А собиралась... Видно, уговорили простить. Хотя она и железная леди была, а все-таки в глубине души добрая женщина.

– Ярослав Васильевич, я должен попросить у вас список членов вашего клуба.

Почему-то этот простой вопрос привел Шашкина в замешательство, которое он попытался скрыть новым приступом что-то уж чересчур подвластного ему кашля, похожего на карканье. Каркал он в течение двух минут, возможно надеясь, что Турецкому надоест ждать. Но Турецкий проявил недюжинное терпение:

– Я жду, Ярослав Васильевич. Если, как вы говорите, на членов клуба объявлена охота, нужно знать, кто еще находится в опасности, чтобы предотвратить нападение. А может быть, кто-то еще, кроме Чайкиной и Любимова, был убит?

– Нет... никто... А членов клуба... я так не помню... я всех-то не знал. Общался в основном с Пашей и с Наташей. Вы еще с Давыдовым побеседуйте.

– С кем?

– С Тихоном Давыдовым, главой антидопинговой комиссии Олимпийского комитета. Паша обращался к нему...

– Как же у вас получается: Олимпийский комитет – плохой, а глава антидопинговой комиссии – в белом фраке?

Шашкин хмуро проворчал что-то в том духе, что честные люди изредка встречаются на всех уровнях, даже в этой несчастной коррумпированной стране. В целом разговор, так бодро начавшийся, после этого как-то скис.

«Интересно, – размышлял Турецкий, покидая квартиру Шашкина, – что он скажет, если придется давать показания официально? А ведь придется...»

Еще более интересным показалось бы Турецкому то, что, едва проводив его, Шашкин бросился звонить по телефону. Кому?

13

«Я делаю это ради своих родителей, – уверяла себя Надя Кораблина. – Они имеют право увидеть свою дочь на олимпийском пьедестале, имеют право жить в нормальных человеческих условиях, а не в этой жалкой квартирке в получасе езды от ближайшего метро. Они в меня верят, и я не желаю их разочаровывать».

На самом деле о родителях она думала в последнюю очередь, когда уцепилась за Лиино предложение, сделанное таким экстравагантным образом – после тренировки, в душевой. Но, направляясь к рекомендованному врачу, Надя чувствовала, что поджилки у нее трясутся, и испытывала мощную потребность в самооправданиях. «Для родителей, это я только для родителей», – словно молитву, твердила Надя, превращаясь в маленькую девочку, для которой папа с мамой значили все, а честолюбие – ничего.

Ведь и вправду, сколько надежд вложили эти не слишком удачливые, мало зарабатывающие, поздно вступившие в брак мужчина и женщина в свое единственное желанное дитя, так и названное – Надеждой! Любя дочь пылко и трепетно, не позволяли ей поблажек, приучали трудиться, искали ростки способностей, которые в дальнейшем могли принести зрелые плоды достижений в этом жестоком мире, не терпящем неудачников. Еще до школы Надя успела и посетить художественную студию, где занималась рисованием, и пройти тестирование в музыкальной школе. Слух у девочки оказался неплохой, но не абсолютный, а талант художницы пребывал в пределах обычного детского самовыражения: «палка, палка, огуречик, получился человечек». Зато она нашла свое призвание, став... тоже «художницей» – так называют в спортивном мире рабынь и фавориток художественной гимнастики. Удостоверясь, что искомый талант наконец-то обнаружен, папа и мама стали самоотверженно поддерживать Надю на ее тернистой стезе. Наступая на горло естественной жалости к своему драгоценному чаду, не позволяли дочери хоть чуть-чуть выбиться из рабочего графика, отдохнуть за счет прогуливания тренировок, лишали лакомых кусочков, грозящих прибавкой в весе. Эти временные трудности – пустяки. Главное – достигнутая цель.

Если бы папа и мама узнали, что для достижения цели требуется прием каких-то таблеток, разрешили бы они ей обратиться к рекомендованному Лией врачу? Может, и разрешили бы, – так уверяла себя Надя. Она им обязательно все расскажет... Но сначала сама посмотрит, что это за таблетки. И что это за врач такой.

Врач, которого звали Борис Алексеевич (а сам он велел называть себя попросту Боб), успокоил Надю одним своим видом. Он был надежен, весел, толст. Он любил к месту и не к месту вставлять громкое «н-ну», произносимое с напором, перед которым обязано было склониться все живое. К тому же он умел все на свете объяснить.

– Бедная красотка, – загремел он, обращаясь к Наде, – кто ж тебя так запугал? Ты же к Айболиту пришла, а не к Бармалею. Я людей не ем, я их лечу. Раздевайся по пояс... Нет, лифчик можешь оставить. Хотелось бы мне, чтобы ты и от него освободилась, но – извини, на работе я не мужчина, а профессионал. Давай-ка сердечко послушаем. Давай давлению сме-рим. Н-ну... что я тебе должен сказать? Твой организм испытывает чрезвычайные перегрузки. Поняла? Чрез-вы-чай-ные. Вот так перенапряжешься и, не ровен час, получишь инфаркт. Не такая ты сильная, как тебе хотелось бы. А ведь... ты каким видом спорта занимаешься? Художественной гимнастикой? Небось любишь свою художественную гимнастику, а?

– Люблю, – призналась Надя, прижимая скомканную в кулаке блузку к трепещущей груди. После осмотра она еще не успела одеться.

– Н-ну и правильно. Люби, кто тебе запрещает. Я так и думал, что ты у нас девушка стойкая, спорт бросать не собираешься. Но и состояние сердечно-сосудистой системы у тебя аховое, я тебе все как есть скажу. Надо подлечиться.

– Вы меня в больницу положите? – Надин голос зазвенел отчаянием. Больница, когда на носу ответственные соревнования? Это катастрофа! По опыту она знала, что врачи любят настаивать на госпитализации. А ей это слово «госпитализация» хуже горькой редьки.

– Н-ну зачем сразу в больницу? – Этот врач был демократичнее других, встречавшихся прежде Наде. – Я понимаю, тренировки и все такое прочее. Запустишь тренировки, потом трудно восстановиться. Я, птичка моя лебедь, сам бывший спортсмен, мне не надо объяснять. Так что предлагаю лечиться без отрыва от производства. Лекарство тебе, правда, необходимо такое, которое в аптеке так сразу не достанешь. Его надо заказывать за границей, за большие деньги. Чисто случайно у меня есть небольшой запас. Предыдущий мой пациент отказался, захотел лечиться народными средствами у каких-то тибетских знахарей. Н-ну, я так скажу: ему же хуже! Возможности современной фармакологии на порядок выше возможностей тухлых тибетских травок. А тебе повезло. Бери, пользуйся.

– Лекарства... очень дорогие?

– Для тебя – нет. В моих интересах дать их тебе поскорее, чтобы не пропали. А то, знаешь, срок годности кончится, и плакали мои денежки. А так хоть человеку помогу. Лекарства, знаешь ли, надо подбирать индивидуально. Н-ну... Чисто случайно совпало так, что для тебя они точь-в-точь подходят, как и для моего предыдущего пациента.

– Это сильное лекарство? – Надя все еще продолжала колебаться.

– Что ты имеешь в виду?

– Я имею в виду... я подумала... у него есть вредные побочные действия?

Доктор Боб расхохотался. Точнее выражаясь, он, запрокинув голову и широко разинув пасть, принялся извергать звуки, которые способен издавать, наверное, только морской лев, выбравшись на сушу из воды.

– Вот я же сразу сказал – ты запуганная! Но я тебе не удивляюсь, современные фармакологи тоже стараются всех запугать. Возьми аннотацию к каким-нибудь таблеткам от кашля и прочти список побочных эффектов – чего там только не найдется! И бессонница, и запор, и кожные высыпания, и импотенция... Прочтет это человек и подумает: «Спасибочки, я уж лучше кашлять буду!» Н-ну, в действительности все не так страшно. Понятно, что люди, которые выпускают лекарства, стремятся перестраховаться: мол, если возникнет у вас какая-то бяка, не говорите, что мы вас не предупреждали! Н-ну, на самом-то деле из всего этого списка может случиться какой-нибудь запор, и то у одного из миллиона, и то еще неизвестно, то ли связанный с приемом таблеток от кашля, то ли никакого отношения к ним не имеющий. Н-ну, вот так, моя черешня! Ничего не бойся: лекарство сильное, но практически безопасное. До тебя я еще многим его назначал, и все были довольны. Если какие-то нежелательные признаки появятся, обращайся ко мне. Я пороюсь в умных медицинских справочниках и выясню, как ликвидировать эти признаки. Или назначу другое лекарство. Н-ну, это на самый крайний случай: думаю, до этого не дойдет.

Закончив долгий разъяснительный монолог, доктор Боб присел к своему белому столу, на котором под стеклом были веерами разложены лекарственные аннотации и рецепты, и принялся что-то чиркать ручкой в медицинской карте, которую он тотчас же завел на Надю. Так успокоительно, так по-врачебному... Сомнения оставили Надю: Лия действительно рекомендовала ей отличного доктора. Квалифицированного, умного, разбирающегося в проблемах спортсменов. Почему только она раньше Лию в грош не ставила? Оказывается, Лия – из тех, кто может бескорыстно прийти на помощь. Решено, теперь она станет лучшей Надиной подружкой. Только бы таблетки помогли!

Таблетки, заключенные в небольшую стеклянную бутылочку, выглядели необычно: напоминали крохотные фишки от какой-нибудь настольной игры. Кругленькие, посередине вдавленные, глянцевитые, розового цвета. Надя подумала, что в детстве они бы ей очень понравились: она бы гладила их, постоянно носила в кармашке, кормила ими своих кукол,

любовалась... Сейчас она тоже любовалась ими, но по-взрослому: эти миниатюрные розовые фигулинки должны были помочь ей восстановить здоровье, стать олимпийской чемпионкой. А разве не к этому сводились все ее заветные мечтания? Золотая медаль, софиты, слава...

– ...Принимать надо по четкой схеме, – вклинился в Надино разгулявшееся воображение голос доктора Боба. – Зазубри ее наизусть и не нарушай. У тебя ведь, насколько я помню, скоро ответственные соревнования?

– Да. – Откуда взялось «насколько я помню», кажется, Надя ему этого не говорила? А, не важно, должно быть, Лия разболтала: она ведь тоже у доктора Боба консультируется.

– Перед соревнованиями обязательно принимай. Это тебя здорово поддержит. Этого требует твой организм.

14

Жаль, что вдова Павла Любимова не присутствовала при бурной встрече нанятого ею адвоката Гордеева со следователем Гороховым! Не исключено, что скорбящая Аня вынырнула бы из депрессии и даже, впервые за долгие, нестерпимо тягучие и грустные месяцы вдовства, рассмеялась. Тут, конечно, стоит учесть холерический темперамент Юрия Петровича, известный всем его друзьям. Бывают случаи, когда адвокат Гордеев для пользы дела свой темперамент сдерживает, но в данной ситуации он счел за лучшее дать себе волю и даже предстать перед Гороховым бо́льшим холериком, чем он на самом деле являлся. Это было его маленькой мстью.

А мстить было за что! С того дня, когда Бочанин и другие друзья Любимова в складчину собрали деньги для гонорара защитнику и внесли их в кассу десятой юрконсультации на Таганке, Гордеев, приняв на себя обязанности защитника на стороне потерпевшей, коей была следствием признана супруга убитого, Любимова Анна, приступил к исполнению своей функции. К сожалению, надо отметить, что возможности адвоката, представляющего в уголовном деле интересы потерпевшей стороны, не столь велики. Тем более что речь идет о деле, по которому не установлен обвиняемый в правонарушении. Поэтому первоначальная работа Гордеева заключалась в хождении по прокурорским и милицейским ведомствам, в жалобах на бездействие этих ведомств и в составлении документов различной формы. Насколько ему удалось понять, основной тормозящей палкой в колесе правосудия был следователь Горохов. Он считал, что дело он фактически раскрыл, притом не ударив палец о палец – что немаловажно, так как был сверхъестественно ленив. Адвокат Гордеев пытался воздействовать на Горохова доводами разума – и не получил никакого результата. Тогда он попытался растормошить его иными методами: не понимаете по-хорошему – будем действовать по-плохому.

– Так, значит, за полгода – никаких результатов? – грозно вопрошал Юрий Петрович, наступая на следователя и так значительно помахивая кожаной папкой для бумаг, точно в ней содержались какие-то новые материалы, изобличающие Горохова в недобросовестности, продажности и прочих мелких недостатках. – О чем вы думаете? Чем вы все это время занимались, вместо того чтобы ловить убийцу, позвольте вас спросить?

– Но вы понимаете... это трудно... где его теперь найдешь... – лепетал Горохов, пытаясь укрыться от буйного адвоката за громадой служебного письменного стола. Однако стол, сам по себе внушительный и массивный, не мог служить надежной защитой.

– Теперь? – вознегодовал Гордеев. – А раньше? В январе? Почему сразу не подсустились?

– Оперативники сработали из рук вон плохо...

– Ну правильно, давайте валить свои недоработки на оперативников! Куда мы, спрашивается, придем?

– Понимаете, – Горохов совсем сник, – ведь это случайное убийство... Шансы найти этого кавказца равны нулю.

– Да неужели? – Всеми мимическими средствами Юрий Петрович постарался выказать сарказм. – Вы настолько некомпетентны, что пытаетесь выдать заказное убийство за случайное? А может, просто вам невыгодно, чтобы киллер был найден?

Простора для отступления у Горохова больше не было: оставалось только залезть под стол.

– Как вы смеее разговаривать со мной в таком тоне? – Загнанный в угол следователь перешел в наступление, как трусливое, но кусачее животное. – Вы мне не начальство, вы всего лишь адвокат потерпевшей стороны. Вы не имеете права критиковать следствие...

В эту минуту на столе зазвонил служебный телефон, и Горохов с облегчением схватил трубку. Возможно, звонило именно начальство. Вот пусть оно и поддержит действия своего подчиненного!

– Да, это я, – солидно отозвался Горохов. Тут же, без перехода, его мешковатая фигура подтянулась, точно он попытался стать во фрунт. – Александр Борисович Турецкий?

Услышав это до боли знакомое имя, Юрий Гордеев радостно насторожился. Горохов же предлога для радости здесь не усмотрел: напротив, ситуация для него усугублялась. По рыхловатому, вмиг побелевшему лицу покатился крупный пот.

– Да, я... Дело Любимова... Уже полгода, правильно... Но тут, видите ли, убийство на почве межнациональной розни... Что? Не проверил... Не уточнил... Нет... Нет... Я не предполагал, что...

Из вежливости Гордеев опустил глаза. Если честно, не только из вежливости: уж очень неприглядный вид имел распекаемый следователь. Сам же Гордеев воспрянул духом: если за дело берется Саша Турецкий, значит, оно сдвинется с мертвой точки!

По окончании телефонного нагоняя следователь Горохов, вмиг утерев те признаки военной осанки, которые сумел приобрести, бессильно опустился на стул неряшливой грудой плоти в форменном мундире. Гордеев прикидывал: сказать ему что-нибудь или не надо? Из жалости решил не добивать обреченного.

– Кажется, вы были правы, – первым возобновил общение следователь. Не в силах справиться с собой, прибавил на повышенных тонах: – Или вы сговорились!

Гордеев хмыкнул. Предположение о продажности Горохова следовало отместить: на такой товар вряд ли найдутся покупатели. Если господина адвоката не обманывает его богатый опыт, Горохов откровенно глуп...

Но если разговаривать с Гороховым, по большому счету, было уже не о чем, то с Александром Борисовичем Турецким нашлось больше тем для диалога. Даже если бы их давней дружбы не существовало, адвокат, как любой честный гражданин, имеет право оказывать помощь следствию, ведь так? А у Гордеева было чем поделиться со следствием.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.